

Два признания

Влад Велирский

Влад Велирский
Два признания

«Автор»

2026

Велирский В.

Два признания / В. Велирский — «Автор», 2026

После пожара в речном архиве двое задержанных независимо признаются в одном и том же: каждый утверждает, что именно он запустил смертельную газовую систему. Но дальше их показания принимают невозможный оборот. Марк называет Софью спасительницей пропавшего аудитора, а Софья — Марка. У следователя Киры Соколовой есть сорок восемь часов, чтобы решить, кому предъявить обвинение. Ошибка не только отправит невиновного в тюрьму: по вымышленному «правилу спасителя» второй участник будет обязан раскрыть тайное убежище единственного живого свидетеля. Пока прокурор требует выбрать одного виновного, Кира проверяет воду на подошвах, ожог на ладони, пропавшую строку журнала и белую дверь, которую открыли уже после запуска газа. Оба признания лживы. Оба содержат правду. И чем точнее восстанавливается ночь пожара, тем опаснее становится простой вопрос: кто виноват, если каждый пытался спасти одного человека — и тем самым оставил другого умирать?

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Нулевая минута	6
Глава 2. Комната А	12
Глава 3. Комната Б	17
Глава 4. Правило спасителя	23
Глава 5. Белая дверь	27
Глава 6. Сторож	32
Глава 7. Первый срок	37
Глава 8. Два звонка	44
Глава 9. Архив Радаева	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Влад Велирский

Два признания

От автора

Признание кажется самой короткой дорогой к правде. Человек называет себя виновным, следователь записывает слова, дело обретает форму. Но иногда признаться — значит не открыть факт, а закрыть собой другого. Тогда точность фразы ещё ничего не говорит о честности намерения.

«Два признания» — вымышленный юридический триллер. Его города, учреждения, сроки и процессуальные правила созданы для сюжета и не описывают законодательство России или другой реальной страны. В центре книги не справочник по расследованию, а выбор людей, которые пытаются распределить вину раньше, чем установлены их отдельные поступки.

Все существенные улики появляются до развязки. Их можно заметить, сопоставить и истолковать вместе с Кирой Соколовой. Однако ответ на вопрос «кто это сделал?» здесь намеренно не равен ответу на вопрос «кто за это отвечает».

Эта история — о цене спасательной лжи, о процедуре, способной давить даже без злого умысла, и о погибшем человеке, чей выбор нельзя превратить в удобное оправдание для живых.

Глава 1. Нулевая минута

Красная цифра на стене мигнула, будто передумала, и превратилась из `48:00` в `47:59`. Кира Соколова ещё не успела снять мокрый плащ.

— Это уже идёт? — спросила она.

Секретарь закрытого дежурного суда не поднял головы от планшета.

— С момента регистрации второго заявления.

— Я не спрашивала, с какого момента.

— Тогда да. Уже идёт.

За стеклянной стеной коридора люди в серых комбинезонах снимали с ящиков белые пломбы. Из раскрытой двери тянуло речным холодом, гарью и сладковатым запахом средства, которым в Пристанске отмывали всё: вокзальные туалеты, больничные полы, комнаты для допросов. В конце коридора стояли две одинаковые двери. На одной лист бумаги с буквой «А» держался на полоске синего скотча, на другой — с буквой «Б».

Между дверями сидел Дамир Холодов. Пиджак он повесил на спинку соседнего стула, рукава рубашки закатал ровно на два оборота. Перед ним лежали две тонкие папки. Обе были красными.

Кира остановилась у табло.

— Кто дал команду регистрировать второе заявление до моего приезда?

— Тот, кто умеет читать часы, — сказал Холодов. — Радаева нет. Один погибший. Двое явились сами и признались в запуске системы. Мы не могли попросить их подождать, пока ты найдёшь парковку.

— Я приехала за двенадцать минут.

— Пожарные ехали девять. Им тоже не хватило.

Он не произнёс имени погибшего, и это было хуже поспешной скорби. Фамилия уже лежала в папке, превращённая в строку, но человеку ещё, возможно, не успели закрыть глаза.

Кира сняла плащ. Левая манжета рубашки промокла: у речного архива вода с пожарной лестницы лилась прямо на оцепление, а ветер бросал её под навес. Она повесила плащ рядом с пиджаком Холодова.

— Где тело?

— В архиве. Судебный врач подтвердил смерть на месте. Геннадий Барышев, ночной сторож, шестьдесят два года. Предварительно — удушье. Ожогов почти нет.

— Система газового тушения?

— Да.

— Она должна была вытеснить кислород только из хранилища.

— Она вытеснила его ещё из служебного коридора. Почему — выяснишь.

Кира посмотрела на папки.

— Кто первый?

Холодов коснулся левой.

— Марк Левин. Аварийный диспетчер городского фонда. Пришёл в пожарную часть в ноль четырнадцать, сказал, что лично сорвал пломбу и запустил газ. Через три минуты в отделение у набережной вошла Софья Ершова, реставратор архива. Сказала то же самое.

— Одними словами?

— Достаточно разными, чтобы секретарь зарегистрировал два самостоятельных признания.

— И достаточно одинаковыми, чтобы ты вызвал меня.

Холодов подтолкнул к ней папки, но руки не убрал.

— Есть ещё одна одинаковая часть. Левин утверждает, что Ершова вынесла из здания Илью Радаева. Ершова утверждает, что Радаева вынес Левин.

В коридоре щёлкнула сорванная пломба. Один из техников вполголоса выругался; его напарник попросил повторить номер ящика. Красное табло показало `47:21`.

— Радаев жив? — спросила Кира.

— Ни тела, ни подтверждённого контакта. Его телефон сгорел в кабинете на третьем этаже. По журналу он вошёл в архив в двадцать один сорок семь. Не вышел.

— Тогда они называют друг друга не спасителями, а людьми, которые, возможно, вынесли тело.

— Оба настаивают, что он дышал.

Теперь Холодов отпустил папки.

Слишком аккуратно, подумала Кира. Не сами признания — люди признавались и из страха, и из любви, и из желания прославиться, и потому, что после бессонной ночи начинали верить в собственную вину. Аккуратной была встречающая часть: каждый отдавал другому поступок, который нельзя было проверить без самого Радаева.

И который запускал процедуру, придуманную после дела о трёх мёртвых свидетелях.

Кира открыла папку Марка. На первом листе стояло время: 00:14. На втором — короткий текст, записанный дежурным.

«Я, Марк Иосифович Левин, в 22:26 снял защитную скобу с ручного пускателя газовой системы в речном архиве и нажал рычаг. Я понимал, что в здании могут находиться люди. Илью Радаева вывела через служебный выход Софья Ершова. Он был жив».

Ни слова о причине.

В заявлении Софьи время запуска совпадало до минуты. Она называла не скобу, а пломбу, не служебный выход, а белую дверь. Радаева, по её словам, вынес Марк. «Вынес на руках. Радаев был без сознания, но дышал».

— Они виделись после пожара? — спросила Кира.

— По имеющимся камерам — нет. Левина забрали у насосной площадки, Ершову — у главного входа. Потом разные машины, разные приёмные.

— Телефоны?

— У Левина найден. Разбит, но включается. У Ершовой пока не нашли.

Кира перелистнула страницу. Марк пришёл без адвоката и отказался звонить кому-либо. Софья потребовала защитника, затем отказалась ждать и настояла на немедленной регистрации признания. Оба знали о последствиях.

— Кто объяснял им правило спасителя?

— Дежурные. Под запись.

— До заявления или после?

— Левину — после первых слов, до подписи. Ершовой — как только она назвала Левина. Она сказала, что знает процедуру.

— Реставратор знает закрытую процедуру по защищённым свидетелям?

— Она не закрытая. Просто настолько скверно написана, что обычный человек предпочитает не дочитывать.

Кира подняла взгляд.

— А необычный?

— Готовит два признания.

Табло отсчитало ещё секунду.

По временному правилу человек, который признавал действие, непосредственно создавшее смертельную угрозу, не мог получить статус спасителя в том же эпизоде. Законодатели боялись, что виновный спрячет важного свидетеля, объявит себя его защитником и закроет доступ следствию. Поэтому признанного спасителем обязывали в течение сорока восьми часов

сообщить суду местонахождение выжившего. После срока суд мог раскрыть защищённое место обвинению, если не находил независимых оснований сохранить тайну.

Правило работало, пока поступки распределялись между разными людьми.

Здесь каждый забирает себе вину и отдавал другому спасение.

— Они подставляют друг друга под раскрытие адреса, — сказал Холодов. — Или один подставляет, а второй повторяет, чтобы спутать нас.

— Если хотели подставить, зачем приходиться почти одновременно? Первый не мог знать, что второй признается.

— Мог знать план.

— Тогда это не взаимная подстава.

— Название потом выберешь.

Кира закрыла папку Софьи.

— Я начну с того, кто пришёл первым.

— Нет.

Холодов сказал это спокойно, и потому несколько секунд она думала, что ослышалась.

— Повтори.

— Они подали заявления с разницей в три минуты. Если пойдёшь по очереди, второй получит время подстроиться под то, что увидит в коридоре. Разговоры должны начаться одновременно.

— У меня нет второго следователя, которому я доверю нулевой допрос.

— Это не допрос. Пока — проверка добровольных заявлений. Комнаты изолированы. В каждой камера, запись идёт на отдельный контур. Ты получишь по семь минут с каждым, потом переход. Я посижу между дверями и прослежу, чтобы они не обменялись даже кашлем.

— Ты предлагаешь челночное расследование?

— Я предлагаю не дарить им ещё одну общую минуту.

Из комнаты «Б» донёсся удар. Не громкий — пластиковый стакан упал на пол. Почти сразу из комнаты «А» послышался сухой кашель.

Холодов посмотрел на Киру, но ничего не сказал.

Она взяла обе папки.

— Семь минут. Начну с Левина. Когда выйду, никто не сообщает Ершовой ни вопроса, ни реакции, ни того, сколько времени я была внутри.

— Разумно.

— И убери табло.

— Оно судебное.

— Тогда заклейте. Я не хочу, чтобы срок изображал улику.

Холодов оторвал от двери «А» лишний кусок синего скотча и наклеил на красные цифры. Свет всё равно проступал по краям.

Марк Левин сидел, сцепив руки на металлическом столе. На нём был форменный свитер аварийной службы, тёмно-синий, с вырванной ниткой у ворота. Кожа на лице покраснела от холода, а волосы ещё не высохли. Перед ним стоял нетронутый стакан воды.

Он посмотрел сначала на папки, потом на мокрую манжету Киры.

— У архива всё ещё льют? — спросил он.

— Льют.

— Уже бессмысленно.

— Для чего?

Марк сжал пальцы сильнее.

— Для огня. Там не осталось открытого огня.

Кира села напротив и назвала себя. Камера под потолком мигала зелёным. Красного огонька записи не было: техника закупала камеры для людей, которые нервничали от вида камеры.

— Вы пришли добровольно, — сказала Кира. — Можете прекратить разговор. Можете потребовать защитника. Ваше заявление зарегистрировано, но вы вправе уточнить или отозвать каждое слово. Понимаете?

— Понимаю.

— Хотите защитника?

— Нет.

— Почему вы запустили газ?

Марк ответил слишком быстро:

— Чтобы уничтожить ведомость.

— Какую?

— Проверочную. Радаев нашёл расхождения в контрактах. Если бы ведомость вышла из архива, были бы аресты.

— Чьи?

Он посмотрел на стакан воды.

— В том числе мои.

— За что?

— За подписи.

— Какие подписи?

— Мои.

Кира не записала ответ. Люди, которые действительно боялись своих подписей, обычно помнили название каждого листа, на котором оставили их. Они могли лгать о назначении документа, но не говорили «подписи» так, словно выбрали слово из списка.

— Вы знали, что газ опасен для людей?

— Знал.

— Где находился пускатель?

— В нижнем служебном коридоре. За защитной скобой.

— Опишите дорогу от входа.

Он провёл большим пальцем по костяшке указательного.

— Через вестибюль, вниз по лестнице, налево. Мимо реставрационной комнаты. Потом коридор делает излом. В конце красная аварийная лампа, под ней шкаф пускателя.

— Свет работал?

— Основной погас. Горела аварийная полоса вдоль пола.

— С какой стороны?

Пауза была короткой, но впервые Марк не приготовил ответ заранее.

— Слева, если идти к шкафу.

Кира положила ладонь на закрытую папку.

— Что произошло после запуска?

— Сирена. Потом из потолка пошёл газ. Я побежал обратно, услышал, как упал Барышев.

— Вы его видели?

— В дыму. У решётки.

— Вы подошли?

— Не смог.

— Почему?

— Уже нечем было дышать.

— А Софья Ершова смогла вынести Радаева?

— Да.

— Откуда вы знаете?

Марк поднял голову. В его глазах не было ни просьбы, ни вызова. Только внимание человека, который наконец дошёл до опасного места в выученном маршруте.

— Видел их у служебного выхода.

— Радаев шёл?

— Она держала его под руку.

— В заявлении вы сказали: «вывела».

— Так и было.

— Как была одета Ершова?

— В серую куртку.

— Радаев?

— Не помню.

— Белая дверь была открыта?

Марк замер.

На этот раз пауза длилась не больше секунды, но Кира увидела, как он перестал тереть костяшку.

— Какая белая дверь?

Она не ответила. Перевела взгляд под стол.

На чёрных ботинках Марка засохла светлая грязь. Не городская соль: слишком крупные серые крупинки. По ранту правого ботинка тянулась влажная кайма. В комнате было тепло, они провели его сухим коридором от машины, а пожарные заливали архив со стороны площади. С набережной, где находилась насосная площадка, ветер гнал мелкую ледяную воду и поднимал с берега ил.

— Где вас задержали? — спросила Кира.

— У архива.

— У какого входа?

— Не знаю. Там всё оцепили.

— Вы работаете с планами городских зданий и не различаете фасад и набережную?

— Я был в шоке.

Кира отодвинула стул.

— Пока достаточно.

Марк вскинул голову.

— Вы не спросили, где Радаев.

— Вы назвали спасителем Софью Ершову. Это спросят у неё.

— Спросите сейчас.

Не «спросите её», заметила Кира. «Спросите сейчас».

— Зачем вам спешить?

— Потому что люди, которым нужна ведомость, тоже умеют читать часы.

— Какие люди?

Он снова посмотрел на воду.

— Те, чьи подписи настоящие.

Кира вышла, не попрощавшись.

Холодов сидел на прежнем месте. Синий скотч над табло нагрелся и выгнулся; по краям светились половинки цифр.

— Семь минут двадцать две секунды, — сказал он.

— Я велела не считать вслух.

— Ты велела не сообщать Ершовой.

Кира протянула ему папку Марка.

— Зафиксируй отдельно обувь. Не изымать, пока эксперт не снимет фото и образцы на нём. На подошвах речной ил или что-то похожее. Его взяли у насосной площадки, а он делает вид, что не знает, с какой стороны здания оказался.

— Это доказывает, что он был у реки.

— Пока доказывает, что его ботинки были в воде и грязи.

— В признании нет реки.

— Именно.

Она шагнула к двери «Б».

— Ещё он не знает о белой двери.

— Или хорошо сыграл.

— Софья назвала её в заявлении. Если они готовили текст вместе, странно выбрали, какие существительные поделить.

Холодов оторвал скотч от табло. На стене горело `47:39`.

— Кира.

Она обернулась.

— Что?

— Срок запустили не признания.

— В постановлении написано обратное.

— Я о них. Они пришли не для того, чтобы признаться. Они пришли запустить срок.

За дверью «Б» было тихо.

Кира положила руку на холодную ручку и впервые подумала не о том, кто из двоих нажал рычаг.

Сорок восемь часов могли быть не ловушкой, в которую попали Марк и Софья.

Возможно, это была ловушка, которую они принесли с собой.

Глава 2. Комната А

Софья Ершова ждала Киру стоя.

Стул лежал у стены, стакан — на полу. Вода растеклась под столом узким языком и оставилась у носка её ботинка.

— Поднимать не разрешили, — сказала Софья. — Решили, что я могу порезаться пластиком.

Ей было тридцать с небольшим. Светлые волосы пахли дымом и были собраны резинкой, на правой скуле темнела полоса копоти. Серую куртку запечатали в прозрачный пакет, оставив ей тонкий больничный халат поверх чёрной футболки. Левая ладонь была забинтована.

Кира поставила стул и села.

— Вы бросили стакан?

— Уронила.

— Когда услышали кашель из соседней комнаты?

Взгляд Софьи переместился на дверь.

— Здесь слышно?

— Вы ответьте.

— Я не знала, кто там.

— Но уронили именно тогда.

— Значит, испугалась кашля.

Кира повторила предупреждение о праве прекратить разговор. Софья выслушала до конца и отказалась ждать защитника вторично.

— Почему вы запустили газ?

— Хотела уничтожить ведомость Радаева.

Те же слова. Не похожее объяснение — та же грамматическая конструкция.

— Зачем?

— Она доказывала, что реставрационные работы принимали по поддельным актам. Я подписывала акты.

— Какие именно?

— По климатическим шкафам второго хранилища. Три приёмки за прошлый год. В апреле, июле и ноябре.

Ответ пришёл без паузы. В отличие от Марка, Софья знала, какими подписями прикрывает ложь.

— Где был пускатель?

— Внизу. От главной лестницы налево, мимо нашей комнаты, за изломом коридора.

— Что вы видели по дороге?

— Почти ничего. Основной свет погас. Аварийная полоса горела у пола.

— С какой стороны?

Софья посмотрела на забинтованную ладонь.

— Справа, когда идёшь к пускателю.

Кира позволила тишине продлиться. За стеной прокатили металлический ящик.

— А красная лампа? — спросила она.

— Над шкафом.

— Вы сняли пломбу рукой с ожогом?

— Тогда ожога ещё не было.

— Откуда он?

— От металлической дверцы. После запуска.

— Какой дверцы?

— Не помню. Всё было горячим.

— Газ не нагревает дверцы.

Софья наконец села напротив.

— Там был пожар.

— В хранилище. В нижнем коридоре открытого огня не нашли.

— Значит, обожглась наверху.

Она произнесла это почти с облегчением, как человек, которому предложили правдоподобную ошибку вместо опасной точности.

— Расскажите о Радаеве.

— Я увидела его у белой двери. Марк нёс его на руках.

— Как?

— Что — как?

— Голова куда, руки где, Марк держал под коленями или тащил за плечи?

Софья закрыла глаза, будто искала картинку в дыму.

— Голова лежала у него на правом плече. Одной рукой он держал спину, другой — ноги.

— Радаев крупнее Марка.

— В опасности люди могут многое.

— Особенно в чужих рассказах.

Софья открыла глаза.

— Хотите, чтобы я сказала, будто он волок его? Хорошо. Возможно, волок. Я видела несколько секунд.

— На Радаеве была куртка?

— Тёмное пальто.

Марк не помнил одежды. Софья помнила пальто, но слишком чисто описывала переноску человека, который весил больше спасителя. Оба сохраняли главную конструкцию, позволяя краям осыпаться.

Кира встала.

— Я вернусь.

— Сколько осталось?

— Вам не видно табло?

— Я спрашиваю не о суде.

— А о чём?

Софья провела забинтованной ладонью по краю стола и поморщилась.

— Сколько времени у человека без обычных лекарств?

— У какого человека?

— Я призналась в убийстве. Разве этого недостаточно для одного разговора?

— Для разговора — более чем. Для правды пока мало.

В коридоре Холодов разговаривал с экспертом в белом комбинезоне. На полу между ними стояли ботинки Марка в прозрачных пакетах. Сам Марк остался в комнате в одноразовых синих бахилах.

— Ил, — сказал эксперт. — Предварительно. С мелкой кирпичной крошкой и волокнами камыша. Такое есть ниже насосной станции. На площади грунт другой.

— Вода внутри подошвы?

— Носки влажные, стельки сухие. Зашёл недавно и ненадолго. Образцы взяли, оформим.

— Не чистите.

Эксперт посмотрел на неё с оскорблённым достоинством.

— Я и не собирался чистить улику.

— Сегодня люди делают много странного раньше, чем их успевают попросить.

Когда он ушёл, Холодов показал экран планшета. На нём был план нижнего этажа. Зелёная линия аварийного освещения тянулась вдоль северной стены коридора.

— Софья сказала справа? — спросил он.

— Да.

— По проекту справа.

— По проекту или сейчас?

Холодов увеличил схему. В углу стояла дата обновления — три года назад.

— Запрошу журнал ремонта.

— Не запрашивай. Позвони начальнику пожарного расчёта. Пусть человек на месте войдёт от лестницы и скажет, с какой стороны полоса. Без объяснения зачем.

— Ты думаешь, её переносили?

— Я думаю, бумажная схема любит быть правой даже после ремонта.

Пока Холодов звонил, Кира снова вошла в комнату «А».

Марк сидел, спрятав ноги в синих бахилах под стул. На столе появился протокол изъятия. Подписал он его уверенно.

— Верните обувь, — сказал Марк. — Или здесь принято выпускать людей босиком?

— Вас никто не выпускает.

— Я пришёл сам.

— И можете уйти после оформления. Без обуви — только если захотите.

Он понял, что угроза задержанием не последовала, и это обеспокоило его сильнее.

Кира положила перед ним чистый лист и карандаш.

— Нарисуйте нижний коридор.

— Зачем?

— Чтобы я не ошиблась в ваших словах.

Марк начертил лестницу, поворот, длинный прямоугольник. Реставрационную комнату обозначил квадратом, шкаф — короткой чертой в конце. Аварийную полосу провёл слева.

— Где вы слышали падение Барышева?

Карандаш завис у излома, затем поставил крест возле вентиляционной решётки.

— Здесь.

— А Софью с Радаевым увидели где?

— У выхода.

— Нарисуйте.

Он добавил дверь за шкафом пускателя.

— Выход там? — уточнила Кира.

— Да.

— На городской схеме там глухая стена.

— Схема старая.

— Вы только что сказали, что не знаете белой двери.

Марк положил карандаш.

— Вы спросили «была ли белая дверь открыта». Я не обязан помнить цвет.

— Но обязаны помнить выход, возле которого видели живого человека.

— Я помню выход.

— Куда он ведёт?

— Наружу.

— К площади или к реке?

Марк посмотрел туда, где раньше стояли его ботинки.

— К площади.

— На площади сухой гранит. На ваших подошвах свежий речной ил. Вы были ниже насосной станции.

— После пожара пошёл к воде.

— Зачем?

— Меня тошнило.

— Поэтому вы спустились по обледенелой лестнице к реке, хотя вокруг стояли пожарные и медики?

— Не хотел, чтобы на меня смотрели.

— Кто всё-таки вынес Радаева?

— Софья.

— Тогда почему у реки оказались вы?

— Потому что я запустил газ и запаниковал.

Каждый ответ удерживал признание и одновременно разрушал его. Марк мог сказать, что не был у реки, и спорить с экспертизой. Мог отказаться от рассказа о Софье. Вместо этого он выбирал добавлять себе бессмысленные поступки, лишь бы не соединять воду с Радаевым.

Кира повернула лист к себе.

— Вы нарисовали аварийную полосу слева. Софья утверждает, что справа.

На имени Софьи его лицо едва заметно смягчилось. Не удивление. Проверка: держится ли её версия.

— Она ошиблась.

— Почему не вы?

— Я обслуживал этот объект. Знаю коридор.

— Значит, вы ориентировались не по тому, что видели сегодня, а по памяти?

Марк промолчал.

— Основной свет погас, — продолжила Кира. — Газ уже шёл. Вы бежали. Допустим, перепутали стороны. Но вы только что начертили старую схему и уверенно добавили к ней новый выход. Что из этого память, а что сегодняшний вечер?

— Всё сегодняшний вечер.

— Тогда назовите цвет двери.

Он толкнул лист к ней.

— Я нажал рычаг. Остальное не имеет значения.

— Для Геннадия Барышева имеет. Если вы стояли у шкафа, то видели, куда он упал. Если были у реки, вы не могли видеть его у решётки. Одно из двух ваших признаний ложно: сказанное вслух или нарисованное карандашом.

— Я признаюсь в запуске системы, а вы расследуете грязь на ботинках.

— Потому что газ не умеет лгать, а люди умеют.

Дверь открылась. Холодов не вошёл, только показал Кире телефон. На экране шла видеосвязь с пожарным в дыхательной маске. Камера смотрела вдоль подвального коридора. Зелёная световая полоса тянулась слева.

Марк тоже увидел экран.

— Вот, — сказал он. — Слева.

Пожарный развернул камеру к лестнице.

— Это если идти от шкафа, — сказал его голос из динамика. — От лестницы к шкафу полоса справа. После ремонта не переносили, журнал у меня.

Холодов отключил звук.

Марк смотрел на чёрный экран.

— Можно ошибиться направлением, — сказал он.

— Можно. Если вы шли не к шкафу, а от него. Или если вы знаете коридор по чужому описанию, — ответила Кира.

— Я нажал рычаг.

— Какой рукой?

— Правой.

— Сверху вниз или от себя?

— От себя.

— На шкафу поворотная рукоять. Рычаг есть только на старой схеме, которую вы обслуживали до ремонта.

Это был риск. Кира не знала, что именно стояло на шкафу. Но Холодов не перебил её, а Марк слишком быстро посмотрел на рисунок.

— Вы меня проверяете, — сказал он.

— Да.

— Там рычаг.

— Значит, я солгала. Теперь ваша очередь.

Марк откинулся на спинку стула. Впервые с начала разговора его руки разомкнулись.

— Если я отзову признание, — спросил он, — что будет с Софьей?

— Её заявление проверят независимо.

— Суд признает её спасителем?

— Если доказательства это подтвердят.

— И потребует адрес?

— Возможно.

— Тогда я ничего не отзываю.

Выбор прозвучал яснее признания.

Кира забрала рисунок.

— Вы защищаете не себя.

— Я убил сторожа.

— Нет. Вы защищаете время. Вопрос — для кого.

Марк отвернулся к матовому стеклу. За ним красный свет табло распался на бесформенное пятно.

— Тогда не тратьте его здесь, — сказал он.

Глава 3. Комната Б

Когда Кира вернулась, Софья сидела перед пустым стаканом и разглядывала дно, словно там мог сохраниться ответ, которого уже не было в воде.

Бинт на левой ладони потемнел у большого пальца. Медик перевязал ожог поспешно, поверх копоты, и край марли прилип к коже. На спинке второго стула лежал прозрачный пакет с серой курткой.

Кира поставила на стол рисунок Марка, но развернула чистой стороной вверх.

— Покажите ещё раз, как вы запустили систему.

— Я уже показала словами.

— Слова не оставляют ожогов.

Софья посмотрела на дверь. Красные цифры табло отражались в матовом стекле, но прочесть время отсюда было невозможно.

— Сняла пломбу, открыла шкаф, нажала пускатель.

— Левой рукой?

— Да.

— Встаньте.

— Зачем?

— Хотите, я попрошу врача разрешить движение кистью? Или сами знаете, что можете согнуть пальцы?

Софья встала. Кира отодвинула стол и поставила стул спинкой к стене.

— Это шкаф. Где пломба?

Софья коснулась правого края спинки.

— Здесь.

— Дверца куда открывается?

— На меня.

— Петли?

Пальцы Софьи задержались в воздухе.

— Слева.

— Открывайте.

Она потянула воображаемую дверцу на себя правой рукой, затем завела левую ладонь внутрь и нажала большим пальцем.

— Так?

— Примерно.

— Где обожглись?

— Потом. Я сказала: о другой дверце.

— Сначала сказали — о металлической дверце после запуска. Потом решили, что наверху. Теперь она другая. Где именно?

— В дыму.

— Дым — не адрес.

Софья опустила руки.

— Возле белой двери.

Первое точное место прозвучало только после того, как все безопасные места закончились.

Кира вернула стул к столу.

— Садитесь. Как выглядит пускатель?

— Красная кнопка под прозрачной крышкой.

— Крышку чем подняли?

— Пальцами.

— Какими?

— Левой рукой. Не помню каждым пальцем.

— А я не прошу каждым. Вы реставратор. Вы работаете руками и замечаете, куда приходится усилие. Покажите медленно.

Софья снова подняла левую кисть. Не касаясь стола, зацепила воображаемый край указательным пальцем и отвела большой. Боль заставила её остановиться.

— Вот так.

Кира достала телефон. Эксперт прислал четыре фотографии шкафа из нижнего коридора. На первой — серая дверца с сорванной бумажной полосой. На второй — круглая кнопка под откидным колпачком. На третьей линейка показывала глубину ниши. На четвёртой был крупный план кромок: чистый металл, ни копоты, ни следов нагрева.

Она положила телефон перед Софьей.

— Колпачок откидывается вверх. Если поднимать его левой рукой так, как вы показали, кромка касается ногтя и внешней стороны указательного пальца. У вас повреждена ладонь ниже большого пальца.

— Я не говорила, что обожглась о пускатель.

— Но говорите, что нажимали его этой рукой. На колпачке нет следов крови, марли или повреждённой кожи. Металл холодный. Дежурный датчик за последние сутки не показывал выше двадцати двух градусов.

— Я обожглась позже.

— Возле белой двери.

— Да.

— Обо что?

— Не знаю. Стена, короб, дверь. Там всё металлическое.

— И всё имеет разную форму.

Кира увеличила фотографию ожога, сделанную медиком до перевязки. На ладони тянулись три узкие красные полосы, почти параллельные. Между ними кожа осталась светлой. Не плоскость дверцы и не круглая кнопка. Решётка или ребристая поверхность — но называть её рано. Софья могла ухватиться за готовое слово и встроить его в следующую ложь.

— Следы идут поперёк ладони, — сказала Кира. — Если вы схватились за край дверцы, была бы одна полоса. Если прижали ладонь — сплошное пятно. Что вы держали?

— Ничего.

— Тогда что держало вас?

Софья убрала забинтованную руку под стол.

— Вы хотите доказать, что меня там не было.

— Я хочу понять, где именно вы были. Это разные задачи.

— Я нажала кнопку.

— Марк говорит, что нажал рычаг.

Её лицо не изменилось, но правая рука сжала край халата.

— Там кнопка.

— Вы уверены?

— Я её видела.

— До сегодняшней фотографии или сегодня внизу?

Софья молчала.

— Марк помнит старый шкаф, — продолжила Кира. — Вы знаете новый. Это ещё не значит, что кто-то из вас его запускал. Технические паспорта хранятся в реставрационной комнате?

— Копия схемы висит у входа.

— Значит, устройство можно описать, не доходя до конца коридора.

— Можно. Но я дошла.

— Тогда расскажите, что было после кнопки. Не вывод. Действия.

Софья закрыла глаза на секунду.

— Загудела сигнализация. Свет уже не работал. Я побежала обратно, услышала удар.

Потом увидела Марка. Он нёс Радаева.

— Откуда шёл Марк?

— От белой двери.

— Куда?

— К выходу.

— Белая дверь и есть выход?

— Да.

— В какую сторону она открывалась?

— Наружу.

— От вас или к вам?

— От меня.

— Значит, внутрь помещения за дверью.

Софья нахмурилась.

— Нет. Наружу из архива.

— Если вы стояли в коридоре и дверь уходила от вас, она открывалась внутрь следующего помещения. Я спрашиваю не юридически. Я спрашиваю про петли и движение.

— Марк держал её ногой. Я могла перепутать.

— Какой ногой?

— Левой.

— Он нёс Радаева на руках и одновременно удерживал дверь левой ногой?

— Подпирал спиной.

— Только что — ногой.

— Всё происходило быстро.

— Быстро происходят движения. Рассказ меняется медленно, когда его приходится чинить.

Кира сняла пакет с курткой со спинки стула.

— Узнаёте?

— Моя.

— В ней вы были у пускателя?

— Да.

— И в ней помогали Марку?

— Я ему не помогала.

— Вы просто видели, как он вынес Радаева?

— Да.

Кира не стала открывать пакет. На внутренней стороне серой ткани, возле молнии, белела короткая ворсинка. Ещё несколько застряли в шве правого рукава. Эксперт оставил наклейку: «Предположительно медицинский нетканый материал. Сравнение ожидается». На внешнем плече темнела вытянутая полоса, будто к Софье прижималось что-то влажное. Но нижний край куртки и подошвы её ботинок были чисты.

— Когда с вас её сняли?

— У машины скорой.

— Кто помогал?

— Фельдшер.

— Вас укрывали одеялом?

— Не помню.

— На вас есть волокна медицинского материала.

— Значит, укрывали.

— Под курткой?

Софья посмотрела на пакет внимательнее.

— Что?

— Волокна на внутренней стороне. Чтобы они туда попали от одеяла скорой, вам пришлось бы сначала снять куртку, завернуться, потом снова надеть её. Вы так делали?

— Может быть. Я была в шоке.

— Фельдшер говорит, вы отказались от одеяла и не снимали куртку до осмотра ожога.

Это была лишь половина ответа фельдшера: тот ещё не прислал письменное объяснение. Но Софья не попросила назвать имя и не возразила. Она смотрела на белую ворсинку через пластик.

— В архиве хранят упаковочные прокладки, — сказала она. — Они похожи.

— Похожи. Поэтому эксперт сравнит их, а не поверит нам обоим.

— Тогда зачем спрашиваете?

— Потому что волокно не самое важное.

Кира положила рядом фотографию ботинок Марка. В канавках подошв засохла серо-бурая грязь, были видны кирпичная крошка и тонкий стебель.

— На его обуви речной ил. На вашей — пыль нижнего коридора и стеклянная крошка из реставрационной комнаты. Ни ила, ни воды. Если Марк вынес Радаева через выход к реке, а вы стояли рядом, почему он прошёл по мокрой лестнице, а вы не сделали ни шага за порог?

— Я вернулась за Барышевым.

— Вы говорили, что слышали удар, но не нашли его.

— Искала в дыму.

— И при этом точно увидели, как Марк нёс Радаева.

— У двери было светлее.

— Откуда шёл свет?

— Снаружи.

— Со стороны реки в двадцать два двадцать шесть?

— Там фонарь.

— Какого цвета была дверь?

— Белая.

— При зелёной аварийной полосе, дыме и фонаре за спиной Марка вы различили белую краску, пальто Радаева и даже положение его головы. Но не увидели, как открывалась дверь.

Софья отодвинулась от стола.

— Я видела их. Не обязана помнить картинку так, как удобно вам.

— Не обязаны. Но вы помните не картинку. Вы помните задачу: Марк должен быть тем, кто вынес Радаева.

— Потому что он вынес.

— Тогда где вы получили ожог?

— Я уже ответила.

— Нет. Вы назвали район ответа — возле белой двери. Три параллельные полосы на ладони говорят, что вы опёрлись на ребристый горячий предмет или сжали его. Волокна внутри куртки говорят, что вы помогали человеку, укрытому медицинским материалом. Чистая обувь говорит, что вы не вышли к реке. Всё это помещает вас внутри. А ваш рассказ помещает снаружи только Марка.

Софья резко встала. Стул ударился о стену.

— Не говорите «медицинским». Там могло быть что угодно.

- Могло. Что именно?
- Упаковка. Чехол. Фильтр.
- Или одеяло.
- Я не выносила Радаева.
- Я этого не сказала.

Софья поняла ошибку и медленно села обратно.

За дверью прошли двое. Один голос попросил принести журнал замены замков. Другой ответил, что журнал остался в здании архива. Софья повернула голову, и этого короткого движения хватило: не страх перед новым доказательством, а ожидание знакомой детали.

- Белая дверь была заперта до пожара? — спросила Кира.
- Не знаю.
- Вы работали в реставрационной комнате. Она в семи метрах от двери.
- Служебными выходами занималась охрана.
- Но вы знали, куда она ведёт.
- К реке.
- Марк говорит — к площади.
- Марк ошибается.
- На городской схеме за ней глухая стена.

Софья замерла.

- Вы сказали, это выход.

— Я сказала: на схеме стена. Пожарные нашли дверь. Белую. За ней узкий технический тамбур и ещё одна дверь к лестнице. Первую можно открыть из коридора обычной ручкой. Вторая с этой стороны открывается только ключом.

Кира импровизировала лишь в одном: пожарные ещё не подтвердили, с какой стороны нужен ключ. Но устройство тамбура было на присланной схеме.

- У Марка был ключ, — сказала Софья.
- Откуда вы знаете?
- Он обслуживал объект.
- Три года назад. Замок меняли прошлой зимой.
- Значит, дверь была открыта.
- Вы видели её открытой?
- Да.
- Обе створки?
- Да.
- И свет с реки проходил через тамбур?
- Да.
- Тогда почему на внутренней стороне белой двери есть след от вашей ладони?

Софья перестала дышать.

Кира не знала, есть ли такой след. Эксперт сообщил только о смазанной копоты возле ручки. Но ожог уже заставил Софью однажды исправить место, а теперь проверял направление.

- Не может быть, — сказала она.
- Почему?
- Я не касалась внутренней стороны.
- Вы стояли в коридоре. Для вас она и была внутренней.
- Нет.

Ответ прозвучал раньше, чем Софья успела его остановить.

Кира наклонилась к столу.

- С какой стороны вы стояли?

Софья смотрела на собственную забинтованную руку.

— Я перепутала слова.

— Вы не перепутали сторону. Вы только что сказали, что сторона коридора не была для вас внутренней. Значит, вы видели дверь из тамбура.

— Нет.

— Тогда откуда знаете, что следа там не может быть?

Табло за стеклом сменило цифру. Красное пятно стало шире, и Софья закрыла глаза.

— Если я расскажу, где стояла, вы заставите меня назвать, куда он ушёл?

— Кого — он?

Софья открыла глаза. В них впервые не было ни готового признания, ни попытки угадать вопрос.

— Вы и так решили, — сказала она. — Марк был у реки. Я осталась внутри. Этого вам хватит, чтобы выбрать спасителя.

— Не хватит.

— Суду хватит.

— Поэтому вы признаётесь в запуске газа?

Софья снова спряталась за прежнюю фразу:

— Я нажала кнопку.

Кира собрала фотографии, оставив на столе только чистую сторону рисунка Марка.

— Вы солгали о переноске. Солгали о том, где стояли. Ваш ожог получен не у пускателя, а волокна попали под куртку до скорой. Но больше всего меня интересует дверь.

— Почему?

— Потому что вы оба называете её выходом. Марк рисует её там, где на старой схеме стена, но не помнит цвет. Вы помните цвет и свет снаружи, но смотрели на неё из тамбура. Один из вас знает дверь до ремонта, другой — после. А открывал её кто-то третий.

Софья подняла голову.

— Почему третий?

Кира остановилась у двери.

— Потому что ни один из вас не может честно сказать, с какой стороны она была заперта.

В коридоре Холодов держал в руках распечатку журнала доступа. В нижней строке значилось время открытия белой двери — 22:29, через три минуты после запуска системы.

Рядом с событием не было ни номера ключа, ни фамилии владельца.

Только отметка: «Открыто изнутри».

Глава 4. Правило спасителя

В распечатке не хватало самой важной строки.

Белая дверь открылась изнутри в 22:29. Система записала событие, но не записала средство доступа. Холодов трижды увеличил нижний край таблицы, словно номер ключа мог появиться между пикселями.

— Автономный выход, — сказал он. — Из тамбура открывается механически. Поэтому без владельца.

— А снаружи?

— Электронный ключ. Если журнал замены замков не врёт.

— Он остался в архиве.

— Пожарные вынесут.

Кира посмотрела сквозь матовое стекло комнаты «Б». Софья сидела неподвижно. В соседней комнате Марк ходил от стены к стене; его тень то появлялась, то исчезала.

— Они оба знают дверь, но с разных сторон, — сказала Кира. — Марк был у реки. Софья — в тамбуре или коридоре. В 22:29 кто-то вышел изнутри.

— Радаев.

— Или человек, который его выводил.

— Тогда выбирай.

— Что?

Холодов сложил распечатку пополам.

— Спасителя. У нас два заявления, в каждом назван другой. Судья ждёт основание для закрытого предписания.

— У меня есть основание не верить обоим.

— Неверие не предусмотрено формой.

Он повёл её в пустую комнату секретаря. На стене висела схема срочного производства: серые прямоугольники, стрелки, сроки. В центре красным был выделен блок «Защищённый спаситель». Рядом отсчитывал время экран: 46:57.

— Объясни без формы, — сказала Кира.

— Ты читала положение.

— Я читала восемьдесят семь страниц после дела Ладоги. Объясни, как оно работает сегодня.

Холодов снял пиджак и повесил на спинку стула.

— Правило придумали после обвала на шахте «Северная». Трое добровольцев вывели свидетеля, но отказались назвать убежище, потому что владельцы шахты контролировали местную охрану. Тогда суд впервые разделил спасение и укрывательство. Тому, кто фактически вывел человека из непосредственной опасности, разрешили не раскрывать маршрут публично. Но закрытому судье он обязан назвать место, где свидетель находится сейчас.

— Чтобы суд убедился, что спасённый жив.

— И чтобы помощь не стала похищением. Статус защищает адрес от следствия и прокуратуры, но не от судьи. Судья передаёт его независимой группе безопасности.

— Которой мы должны доверять.

— Иначе вся процедура бессмысленна.

— Радаев явно ей не доверяет.

— Мы не знаем, чего хочет Радаев.

— Зато Марк и Софья знают. Поэтому каждый назвал спасителем другого.

Холодов указал на следующий блок схемы.

— Признавшийся в умышленном создании смертельной опасности не может получить статус спасителя в том же событии. Это запрет на покупку неприкосновенности собственным героизмом. Если мы принимаем признание Марка хотя бы как обоснованное подозрение, спасителем остаётся Софья. Она обязана сообщить адрес судье. Если принимаем признание Софьи — обязан Марк.

— А если оба признания ложны?

— Суд оценивает каждое отдельно.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который есть у процедуры. Ложность надо доказать до истечения окна. Иначе суд исходит из подтверждённой части заявления.

— Подтверждённой чем? Марк описал старый рычаг. Софья знает кнопку по схеме. Ни на одном нет следов их рук.

— Они знали время запуска, ведомость и присутствие Барышева.

— Эти сведения могли быть общими.

— Могли. Но пока ты не покажешь источник, суд увидит два самооговора, каждый из которых содержит проверяемые детали.

Кира подошла к схеме. После красного блока стрелки расходились к двум исходам: «адрес подтверждён» и «отказ». Под отказом стояло: «утрата защиты; раскрытие в закрытом заседании; ответственность за воспрепятствование».

— Если названный спаситель молчит?

— Суд может принудительно раскрыть адрес по его устройствам, маршрутам и контактам. Закрыто, но с нашей технической группой.

— То есть выбрать спасителя — значит выбрать, чей телефон вскрывать первым.

— Значит убедиться, что Радаев не умирает без лекарств.

Слова Софьи вернулись: сколько времени у человека без обычных лекарств.

— Она знает об ограничении по здоровью, — сказала Кира.

— Или хочет, чтобы мы так думали.

— Марк пришёл с речным илом. Он знает маршрут. Назовём его спасителем — получим реку и, возможно, адрес.

— Наконец-то.

— Поэтому назвать нужно не его.

Холодов опустил руку.

— Обоснуй.

— Они построили перекрёстную защиту. Марк делает себя виновным, чтобы статус перешёл Софье. Софья делает то же для Марка. Каждый готов принять подозрение, лишь бы следствие полезло в жизнь другого. Если мы выберем очевидного человека с маршрутом, они могли заранее расчистить нам именно эту дорогу.

— Ты приписываешь им план, который требует знания редкой процедуры.

— Второе признание подано через три минуты после первого. Оно не просто повторило преступление — оно запустило спор о спасителе и сорок восемь часов. Случайные самооговоры не синхронизируются по судебной инструкции.

— Процедуру мог подсказать адвокат.

— Оба отказались от адвокатов до заявления.

— Радаев аудитор. Он мог знать положение.

— Тогда это его план.

Холодов взял пиджак, но не надел.

— И твой вывод?

— Оба признания защитные.

— Защитная цель не делает признание ложным. Человек может нажать кнопку, а потом использовать вину, чтобы укрыть сообщника.

— Согласна. Поэтому я не снимаю подозрение. Я разделяю действия: кто запустил систему, кто открыл дверь, кто вывел Радаева и кто назначил время признаний.

— У тебя сорок шесть часов.

— У того, кто это придумал, было больше.

Телефон Холодова завибрировал. Секретарь сообщала, что судья готов принять предварительную позицию через двенадцать минут.

— Мне нужно имя, — сказал он.

— Тебе нужна категория в форме.

— За категорией стоит живой человек.

— Именно поэтому имя я не дам на основании чужой лжи.

— Тогда судья сам выберет по совокупности. Марк был у реки. Вероятнее всего, спаситель он.

— И техническая группа пойдёт по его следу.

— Да.

— Если след настоящий, они найдут Радаева. Если ложный — потеряют время. В обоих случаях люди, которых боится Радаев, увидят движение группы.

Холодов помолчал.

— Закрытая группа не светит маршрут.

— В архиве подменили состав газа и вырезали семь минут камеры. Кто-то знает устройство охраны лучше нас. Ты уверен, что независимая группа для него невидима?

Это был удар не по закону, а по уверенности Холодова в людях, которые его исполняли. Он не отвернулся, но сложил распечатку ещё раз, превратив строку 22:29 в узкую белую полосу.

— Что предлагаешь?

— До заседания не выбирать. Сообщить: личности спасителя противоречат вещественным следам, признания проверяются как согласованное действие. Попросить запретить техническое раскрытие адреса до первого контрольного часа.

— Судья даст шесть часов, не больше.

— Мне нужны два.

— Для чего?

— Узнать, откуда они взяли точное время 22:26 и почему пришли с разницей в три минуты. Запуск газа случился в закрытом здании. Публично время не объявляли. Если часы им дал Радаев, найдём канал. Если подрядчик — найдём того, кто управлял тестом. Если они сверялись заранее, найдём подготовку.

Холодов посмотрел на красный таймер.

— А если через два часа ничего?

— Тогда вернёмся к именам с большим количеством фактов и меньшим количеством веры.

— Судья не любит формулировку «согласованное действие» без доказательств.

— У нас есть два признания с одинаковой целью, взаимное назначение спасителем, точное непубличное время и добровольная явка. Это не доказательство сговора. Это основание его проверить.

— И кто будет проверять?

— Ты запросишь исходные журналы газовой автоматики и время первого служебного сообщения. Я возьму телефоны только на добровольный осмотр метаданных. Без поиска адреса. Параллельно пожарные вынесут журнал замков и самописец двери.

— Марк не даст телефон.

— Тогда его отказ тоже будет действием, а не признанием.

Холодов наконец надел пиджак.

— Шесть часов я не обещаю.

— Мне нужны два.

— Один контрольный час. Потом докладываешь всё, включая пустоту.

— Девяносто минут.

— Ты торгуешься со мной или с Радаевым без лекарств?

— С процедурой, которая заставляет назвать человека раньше, чем мы поняли поступок.

Холодов открыл дверь.

— Семьдесят пять минут. Я иду к судье.

— И не называешь спасителя.

— Я сообщаю, что выбор преждевременен из-за признаков согласованного запуска срока.

Если судья потребует имя, назову Марка как более вероятного по маршруту.

— Это разрушит проверку.

— Это сохранит положение от обвинения, что мы прячем свидетеля под видом расследования.

Они вышли в коридор. Таймер показывал 46:41.

Кира остановила секретаря, несущую папки в зал.

— Кто первым зафиксировал время запуска системы?

— Пожарный диспетчер. Наверное.

— «Наверное» оставьте для перерыва. Мне нужны первичный журнал, запись вызова и список всех, кто видел отметку до полуночи.

Секретарь кивнула и ушла.

Из комнаты «А» постучал Марк — три быстрых удара, пауза, ещё один. Софья в комнате «Б» подняла голову прежде, чем дежурный подошёл к двери.

Они не могли слышать друг друга через изоляцию. Но оба смотрели на красное табло, которого из комнат не было видно.

Кира сверила часы. С момента второго признания прошёл ровно один час.

Значит, они ждали не решения суда.

Они ждали следующего заранее назначенного события.

Глава 5. Белая дверь

К белой двери Кира вернулась в 02:11, когда пожарные уже разрешили входить в западное крыло без дыхательных аппаратов.

Разрешение означало только, что воздух больше не убьёт сразу. В архиве пахло мокрой штукатуркой, расплавленной изоляцией и металлом, который слишком быстро остудили водой. Под подошвами хрустела известковая крошка. Свет временных фонарей выхватывал из темноты то обугленный короб, то разбухшую папку, то красную ленту запрета. Всё остальное коридор удерживал при себе.

Холодов шёл следом, читая сообщения на телефоне.

— Пятьдесят восемь минут, — сказал он. — Судья принял отсрочку до контрольного доклада. Не до результата.

— Результат бывает у анализа. У осмотра бывают находки.

— Тогда найди такую, которую можно положить в форму.

У входа в западное крыло их ждал пожарный дознаватель Арсен Веденин — высокий, сутулый, с белой полосой респиратора поперёк закопчённого лица. В прозрачном пакете он держал латунный цилиндр замка.

— Дверь не ломали, — сказал он вместо приветствия. — Снаружи электронный цилиндр, изнутри нажимная штанга. Питание пропадало, но это ничего не меняет: изнутри выход свободный всегда. Запись в журнале правильная. В двадцать два двадцать девять штангу нажали.

— А снаружи потом входили?

— Электроника не видела ни одного ключа до пожарных. Мы пришли в двадцать два сорок семь и нашли створку прикрытой. Не запертой — именно прикрытой.

— Почему это не вошло в первый рапорт?

Веденин указал на темноту за своим плечом.

— Потому что у нас лежал человек у решётки, газоанализатор пищал, а из помещения по документам должен был выйти ещё один. Первым рапортом я докладывал, куда можно посылать людей, а не положение каждой створки.

Холодов поднял глаза от телефона.

— Теперь положение каждой створки решает, чей адрес вскроет суд.

— Тогда вам не рапорт нужен, — ответил Веденин. — Вам нужна дверь.

Она была в конце короткого коридора и в аварийном свете казалась серой. Белизна сохранилась только вокруг таблички «ТЕХНИЧЕСКИЙ ВЫХОД». Слева от коробки поднимался кабель наружной камеры. Справа темнела ниша с пожарным рукавом. За дверью начинался тесный тамбур: две бетонные стены, металлическая лестница вниз и ещё одна створка, выходящая на узкий причальный проезд.

Кира остановилась перед первой чертой разметки.

— Кто уже проходил?

— Две пожарные группы, медики, наш эксперт и сотрудник охраны, — сказал Веденин. — Все по центру. Порог закрыли настилом после того, как увидели грязь у правого края.

Он снял лист жёсткого пластика. Под ним на рифлёном металле лежала узкая коричневая дуга. Не след подошвы — осыпавшийся валик влажной земли, прижатый дверью и вытянутый по ходу створки.

Эксперт Лада Чернявская сидела на корточках у стены. На её белом комбинезоне чернели колени. Она подсветила дугу боковым фонарём.

— Верхний слой размыло пожарной водой, — сказала она. — Но снизу осталась плотная фракция. Серый песок, мелкая ракушка, растительные волокна. Предварительно тот же речной ил, что на ботинках Левина. Точно скажу после сравнения.

— Его могли занести пожарные с набережной, — сказал Холодов.

— Могли бы, если бы хоть один из них пришёл с набережной. Их машины стояли на площади и у северной стены. К причальному проезду они спустились позже, после двадцати трёх десяти. Этот слой был под створкой, когда её впервые отжали.

Кира наклонилась, не переступая разметку. Грязь лежала снаружи от внутренней двери и тянулась в тамбур. В архивный коридор она почти не заходила.

— Человек пришёл от реки и остановился здесь?

Чернявская покачала головой.

— По одному осыпавшемуся следу направление не устанавливают. Но створка прошла по уже лежавшей грязи. Сначала кто-то занёс ил, потом дверь закрывалась или почти закрывалась.

— В двадцать два двадцать девять её открыли изнутри, — сказала Кира.

— Журнал фиксирует первое полное нажатие штанги после двадцати двух часов, — уточнил Веденин. — Он не фиксирует, сколько раз створку придерживали, если защёлка не вошла в коробку.

Это и было первой трещиной в простой последовательности. Запись 22:29 доказывала выход из архива. Она не доказывала, что после выхода дверь заперлась.

Кира посмотрела на нажимную штангу. Серебристый металл был покрыт серым порошком. В центре виднелись широкие смазы, оставленные перчатками пожарных; ниже — несколько тонких косых линий.

— Снимали следы до демонтажа?

— Да. Пригодных отпечатков нет, — сказала Чернявская. — Поверхность вытерли. Не пожарные: у них перчатки оставляют характерную сетку, а под ней уже была полоса протирки.

— Софья могла протереть.

— Марк тоже, — сказал Холодов.

Кира не ответила. Пока дверь делала то же, что и признания: позволяла каждому занять чужое место.

Они вошли в тамбур по защитным пластинам. Здесь запах реки оказался сильнее гари. Наружная створка была открыта, и сквозняк нёс холодную сырость от воды. За металлическим ограждением блестела чёрная полоса канала. До насосной площадки, где нашли Марка, можно было дойти вдоль берега за четыре минуты.

Над наружной дверью висела камера в оплавленном кожухе.

— Семь минут, — сказал Веденин. — С двадцати двух двадцати семи до двадцати двух тридцати четырёх нет изображения.

— Из-за пожара?

— Остальные камеры писали. Эта тоже не отключалась. Сервер получал от неё пустой поток и служебную заставку.

— Значит, объектив закрыли.

— Тогда остались бы звук и нормальная передача кадров. Здесь устройство перешло в режим обслуживания.

Холодов подошёл к кабелю, не касаясь его.

— Кто мог включить режим?

— Локальный техник с сервисным брелоком. Администратор системы. Удалённый сервис, если ему разрешено договором. Или неисправность.

— Удобная неисправность.

— Неисправности вообще плохо выбирают время, — сказал Веденин. — Поэтому их и называют неисправностями.

Кира попросила показать журнал. На планшете Веденина шли ровные строки: передача, контроль суммы, передача. В 22:27:03 вместо них появилась отметка `SERVICE IMAGE`, в 22:34:09 — `STREAM RESTORED`.

Между этими строками через белую дверь могли провести Радаева, вывести Марка, вернуться за Геннадием и снова уйти. Или не сделать ничего из этого. Семь минут не были картинкой преступления. Они были аккуратно вырезанной рамой.

— Кто узнал о провале первым? — спросила Кира.

— Дежурный охраны в двадцать два тридцать пять. Он отметил восстановление, но заявку не создал: уже шла пожарная тревога.

— Фамилия?

— Рябинин. Его увезли с отравлением, он в городской клинике.

— Запросите список всех сервисных входов, — сказала Кира Холодову. — Не только архив. Весь узел с двадцати двух до двадцати трёх.

— Уже запросил журналы газовой автоматики.

— Камеры обслуживает та же организация?

Веденин пролистал карточку оборудования.

— Подрядчик указан один: «Северный контур».

Холодов задержал палец над экраном телефона. Название уже было в актах, которые Софья перечислила на первом разговоре.

— Это не делает подрядчика виновным, — сказал он.

— Нет. Но даёт третьего человека, который мог видеть семь минут, не находясь у двери.

Чернявская позвала их к внутренней створке. В пинцете у неё дрожал клочок белого материала, почти невидимый на фоне перчатки.

— Был в нижнем уплотнителе, со стороны тамбура. Не трогайте воздух рядом.

Она поместила клочок на чёрную карточку. Материал состоял из спутанных тонких волокон; по краю блестела голубая нить.

— Похоже на тот же нетканый материал, что на подкладке куртки Ершовой, — сказала Чернявская. — Медицинская укрывная простыня или одноразовое одеяло. Голубая армирующая нить встречается в термопокрывалах для перевозки пациентов. Сначала микроскопия, потом утверждения.

— На Радаеве было одеяло, — сказал Холодов.

— Или у Софьи в сумке лежала аптечка.

— В её сумке ничего такого нет.

— Значит, она касалась укрытого человека внутри, — сказала Кира. — Это совпадает с волокнами на куртке и не совпадает с её рассказом, что Марк уже нёс Радаева, когда она его увидела.

— Совпадает с тем, что спаситель Софья.

— Только если спасение заканчивается у внутренней двери.

Она указала на речной ил. Внутри — медицинское волокно и след Софьи. Снаружи — маршрут Марка к насосной. Между ними тамбур длиной в три с половиной метра и семь отсутствующих минут.

Холодов понял раньше, чем она произнесла.

— Передача.

— Возможно. Софья довела Радаева до двери. Марк принял его здесь и вывел к реке.

— Тогда оба спасители.

— В человеческом смысле. В твоей форме — не знаю. Кто вывел из непосредственной опасности: та, что подняла его в газовом коридоре, или тот, кто провёл последние метры наружу?

— Судья решит по фактам.

— Поэтому не будем превращать предположение в факт.

Веденин хмыкнул.

— Если передавали человека, створку пришлось бы держать. Доводчик сильный, огнестойкий. Одной рукой тащишь пострадавшего — второй долго не удержишь.

Он нажал штангу и отпустил дверь. Створка пошла назад плавно, на последних двадцати сантиметрах ускорилась и с тяжёлым шелчком села в коробку.

Звук ударил по тамбуру. Кира представила человека, который не может идти сам: ступени, узкий проход, одеяло, руки по обе стороны тела. Представила Софью с ожогом на левой ладони и Марка, ступившего в речную грязь. Чтобы встретиться на пороге, им требовалась открытая дверь. Чтобы не оставить запись ключа снаружи, им требовалось открыть её изнутри. Чтобы после передачи вернуться, кому-то требовалось не дать защёлке сесть.

— Чем её подпирали? — спросила она.

Чернявская показала чистый пол.

— Следа клина нет. Ни дерева, ни резины. На краске снизу свежих сколов тоже нет.

— Могли удерживать рукой.

Веденин снова открыл створку и встал в проёме.

— Попробуйте провести носилки.

Холодов взялся за штангу. Доводчик потянул дверь с такой силой, что ему пришлось переставить ногу.

— Одному неудобно, — признал он.

— А если один человек снаружи, другой внутри и между ними пострадавший, — сказал Веденин, — свободных рук почти нет. Но возможно. Вопрос — зачем тогда вытирать штангу?

Кира посмотрела на тонкие косые линии под смазами пожарных. Они шли не вдоль движения ладони, а вниз, к краю двери. Четыре почти параллельных царапины, затем промежуток и ещё две.

— Здесь что-то тёрлось.

Чернявская сменила насадку фонаря. Под синим светом у правого края штанги проявилась матовая полоска.

— Полимер, — сказала она. — Прозрачный или белый. Очень тонкий.

Веденин присел у коробки. На ответной планке защёлки блестела вмятина, которую прежде приняли за старый износ. Он провёл рядом измерительной шкалой, потом попросил Чернявскую подсветить сверху.

— Не штангу фиксировали, — сказал он. — Блокировали язычок.

— Как?

Он не стал показывать на действующей двери. Взял из ящика снятый цилиндр, лист картона и нарисовал прямоугольник замка.

— Если обернуть защёлку плоской лентой и вывести концы на обе стороны створки, она не войдёт в ответную планку. Дверь будет закрываться, но не запирается. Потянул за наружный конец — лента соскочила, защёлка снова работает. Ключ не нужен.

— Какая лента выдержит доводчик?

— Ременная стропа. Упаковочная. Медицинская фиксирующая тесьма.

Чернявская уже осматривала торец двери через лупу. В пазу защёлки она нашла короткую голубую нить.

Такую же, как в белом клочке из уплотнителя.

— Не одеяло, — сказал Холодов.

— И одеяло, и крепёжная лента могут быть из одного аварийного комплекта, — ответила Чернявская. — Или клочок один, разорванный на полосы. Пока я могу сказать только: материал здесь был под нагрузкой. Волокна вытянуты в одном направлении.

Кира обошла створку снаружи. На белой краске возле защёлки сохранился почти прозрачный след шириной с палец. Он уходил к нижнему углу, где из-под резинового уплотнителя торчала ещё одна голубая точка.

Тот, кто подготовил дверь, сделал это изнутри. Обернул защёлку, вывел полосу через притвор и прикрыл створку. После этого человек снаружи мог открыть её без ключа. А затем дёрнуть за свободный конец и вернуть замку обычный вид.

— Поэтому журнал знает только первое нажатие в двадцать два двадцать девять, — сказала Кира. — Потом дверь не запиралась. Марк мог выйти, вернуться или принять Радаева, не создавая новых событий доступа.

— И Софья могла выйти следом, — добавил Холодов.

— Могла. Ил говорит, что Марк был у реки. Волокно говорит, что Софья была рядом с укрытым Радаевым. Ни одна улика пока не говорит, кто протянул ленту и кто снял её.

Холодов посмотрел на часы.

— Судье всё равно придётся назвать человека.

— Назови двоих, выполнивших разные части одного спасения.

— Правило не знает двоих.

— Тогда проблема в правиле, а не в двери.

Он отошёл к наружному проёму, где лучше ловила связь. Кира услышала, как он попросил секретаря подготовить дополнительное сообщение судье: вещественные следы допускают последовательное участие обоих заявителей, определение единственного спасителя преждевременно.

Он не любил её формулировку. Но произнёс почти дословно.

Чернявская упаковала голубую нить отдельно. Веденин фотографировал торец двери. Кира ещё раз проследила путь: газовый коридор, нажимная штанга, тамбур, речной проезд. В этой последовательности не было единственного героического движения. Один человек мог дотащить Радаева до двери. Второй — провести к лодке. Третий — дать медицинское одеяло. А камера исчезла на семь минут для всех сразу.

На полу у наружной стены виднелся прямоугольник более чистого бетона. Что-то лежало там во время пожара и защитило поверхность от сажи.

— Здесь что было? — спросила Кира.

Веденин сверился с первичными фотографиями.

— Ничего. На кадре уже пусто.

Чернявская измерила прямоугольник: двадцать восемь на семнадцать сантиметров.

— Небольшой контейнер, — сказала она. — Или аптечка.

Марк пришёл к следствию без вещей. Софья — с сумкой, в которой не было ни одеяла, ни фиксирующей ленты. Кто-то унёс аварийный комплект после передачи Радаева.

Телефон Киры завибрировал. Секретарь прислала первичный журнал пожарного диспетчера. Время запуска системы стояло не 22:26, а 22:25:41. Округлённые двадцать два двадцать шесть появились только в сводке, составленной в 23:08.

Марк и Софья называли округлённое время до полуночи.

Значит, его сообщил им не датчик и не тот, кто смотрел на секунды в исходном журнале. Они получили уже готовую формулу от человека, видевшего будущую сводку — или заранее знавшего, как в ней будет записано событие.

— Нашли источник времени? — спросил Холодов, закончив разговор.

— Нашли ещё одну дверь.

Она показала ему обе отметки. Холодов прочёл, потом снова посмотрел на замок с голубой нитью.

Белую дверь удерживали открытой полосой медицинского материала. Но кто-то удерживал открытой и процедуру: ровно настолько, чтобы двое успели войти в неё с одинаковым временем и разными признаниями.

И этот человек пока не сидел ни в комнате «А», ни в комнате «Б».

Глава 6. Сторож

Вдова Геннадия Барышева отказалась ехать в закрытый суд.

— Там из моего мужа уже сделали обстоятельство, — сказала она по телефону. — Если хотите говорить о нём как о человеке, приезжайте туда, где он жил.

Холодов назвал отказ неразумным. Кира назвала адрес водителю.

Дом стоял в старой части Пристанска, на улице, которая спускалась к грузовым причалам. В четыре утра окна вокруг были тёмными, но у Барышевых горел свет на кухне. Дверь открыла женщина в сером свитере, с собранными на затылке волосами. Она не плакала и не предложила им раздеться.

— Лариса Андреевна?

— В удостоверении написано, кто вы. В моём паспорте написано, кто я. Давайте не тратить на это время.

На столе лежали три предмета: старый кнопочный телефон, связка ключей и квитанция из круглосуточной аптеки. Рядом стояла чашка с нетронутым чаем. Вторую чашку вдова, видимо, поставила по привычке и не убрала.

Холодов остался у двери. Кира села напротив.

— Когда вы последний раз видели мужа?

— В двадцать один сорок две. Он уже лёг. Потом ему позвонили, и он стал одеваться.

— С работы?

— Номер не определился. Голос я не слышала. Геннадий слушал секунд двадцать, потом спросил: «Ты уверен, что не перепутал баллоны?» После этого звонок оборвался.

Кира включила запись.

— Именно «баллоны»?

— Именно. Я ещё сказала: если опять их подрядчик напутал, пусть звонят начальству. Гена ответил: «Начальство там и напутало».

— Он назвал имя звонившего?

— Нет.

— Почему вы решили, что звонок был анонимным, а не просто со скрытого номера знакомого?

Лариса перевернула телефон экраном вверх. В журнале входящих последняя строка показывала 21:36 и пустое поле вместо номера.

— Потому что Гена попытался перезвонить. Телефон написал, что номер недоступен. Потом он позвонил в архив и своему сменщику.

— Сколько длились разговоры?

— В архив никто не ответил. Сменщик сказал, что сегодня дежурит другой человек. Только никакого другого человека там не было.

Холодов подошёл ближе.

— По графику в архиве дежурил Геннадий Барышев.

— По старому графику. Три дня назад его смену переставили на пятницу. Сегодня он должен был быть дома.

В первичной сводке стояло: ночной сторож обнаружен на рабочем месте. Кира сама прочла эту строку и позволила ей превратиться в причину присутствия.

— У вас есть новый график?

Лариса достала из-под телефона сложенный лист. Геннадий любил бумажные расписания и подчёркивал свои смены зелёным. Ночь пожара оставалась белой. Рядом его рукой было написано: «аптека, давление».

Квитанция на столе была пробита в 21:19. Он купил таблетки и вернулся домой. Потом получил звонок, оделся и поехал в архив, где по всем официальным версиям оказался случайной жертвой на своей смене.

— Кто мог изменить график в электронной системе? — спросила Кира.

— Начальник охраны. Отдел кадров. Ваши умные люди, которые после смерти всегда знают, где человек обязан был находиться.

— Мы проверим историю изменений.

— Вы сначала исправьте бумагу, где написали «находился при исполнении». Он приехал туда сам. Это не одно и то же.

Холодов опёрся ладонью о спинку пустого стула.

— Лариса Андреевна, самостоятельный приезд не уменьшает его заслуг.

— А я не о заслугах. Вы уже ищете, кто кого спас. Скоро выберете одного хорошего, одного плохого, а Гена останется телом возле клапана. Мне позвонили из морга и спросили, были ли у него мысли причинить себе вред. Потом человек из архива спросил, употреблял ли он спиртное на смене. Теперь вы говорите про заслуги. Никому не интересно, зачем он туда поехал.

Кира выключила запись. Не потому, что разговор закончился, а чтобы следующая фраза не звучала как часть процедуры.

— Мне интересно.

— Тогда не спрашивайте, почему он не убежал. Спросите, что он увидел.

Лариса встала и принесла из комнаты пластиковую коробку с инструментами. На крышке выпуктым маркером было написано «АРХИВ». Внутри лежали отвёртки, тестер, катушка тонкой проволоки, упаковки прокладок и несколько красных бирок с номерами.

— Это его домашний комплект, — сказала она. — Рабочий остался там. Гена не доверял новой службе ремонта. После каждого их приезда находил то незатянутый винт, то чужую прокладку. Говорил: они обслуживают отчёт, а не систему.

Холодов надел перчатки.

— Можно изъять?

— Можно переписать. Изымать будете по бумаге.

Он отдёргнул руку.

Кира осмотрела бирки. Это были контрольные пломбы: красный пластик, короткий стальной ус, индивидуальный номер. Два кармана в коробке пустовали.

— Сколько их было?

— Пять. Он купил сам, потому что склад выдавал старые.

— Сейчас три.

— Одну поставил месяц назад на шкаф автоматики. Вторую взял сегодня.

— Вы видели?

— Он положил её в нагрудный карман. Я спросила, зачем ему пломба, если он не на смене. Сказал: «Если там то, что мне сказали, автоматика нам больше не друг».

Холодов встретился с Кирой взглядом. При теле Геннадия в перечне вещей значились телефон, кошелёк, ключи, аптечная упаковка и одна красная пломба без номера. Её приняли за сорванную с оборудования.

— Он собирался опломбировать клапан? — спросил Холодов.

— Он собирался закрыть его вручную и оставить знак, чтобы никто не открыл обратно, не записав фамилию.

— Откуда вы знаете?

— Потому что двадцать семь лет слушала, как он объясняет вещи, которых я не спрашивала.

Лариса впервые улыбнулась, но улыбка исчезла раньше, чем изменила лицо.

Кира включила запись снова.

— Геннадий раньше говорил о подмене газа?

— О подмене — нет. Говорил, что после последнего обслуживания цифры на баллонах не сходятся с ведомостью. Я не понимала, какие цифры. Он написал служебную записку.

— Когда?

— В понедельник.

— Кому передал?

— Начальнику охраны. Тот вернул и сказал оформить через подрядчика. Гена не стал.

— Почему?

— Потому что жалобу на подрядчика нельзя отдавать подрядчику.

Холодов попросил копию. Лариса достала из коробки школьную тетрадь в клетку. Геннадий записывал в ней номера заменённых деталей, даты обходов и короткие замечания. На последней странице было: «14-е. Баллоны 4–7: заводская маркировка не совпадает с приёмкой. Давление ниже расчётного. Запросить паспорт партии. Клапан К-2 проверить вручную».

Ниже другой ручкой: «Записку вернули. СК сами ответят».

«СК» могло означать «Северный контур».

— Разрешите сфотографировать страницу?

— Фотографируйте всю тетрадь. И не потеряйте последнюю строчку.

Кира перелистнула страницу. На внутренней стороне обложки Геннадий записал телефоны. Возле номера диспетчерской стояла приписка: «Марк — слушает». Имя не доказывало, что звонил Марк. Но объясняло, почему ночной сторож мог поверить человеку из аварийной службы.

— Они были знакомы?

— Гена говорил, что молодой диспетчер единственный не отвечает фразой «создайте заявку». Может, Марк. Фамилий он дома не называл.

Кира отправила фотографию номера дежурной группе и попросила срочно получить детализацию домашнего телефона. Потом набрала Чернявскую.

Эксперт ответила после второго сигнала.

— Пломба из вещей Барышева у вас?

— В лабораторном пакете. А что?

— Продиктуйте номер.

Послышался шорох бумаги.

— КА-70419. Красная, металлический ус не замкнут. На пластике копоть и следы перчатки.

Кира посмотрела на три пломбы в коробке: КА-70416, КА-70417, КА-70418.

— Это не сорванная пломба системы, — сказала она. — Это следующая из его личной упаковки. Он принёс её с собой.

— Тогда почему в первичном осмотре написали «фрагмент запорного устройства»?

— Потому что возле клапана нашли сторожа, и предмету назначили прошлое раньше экспертизы.

Холодов отвернулся к окну. За стеклом медленно серело небо над крышами.

— Пломба не замкнута, — напомнила Чернявская. — Он не успел её поставить.

— Или снял после установки.

— Ус прямой. Её никогда не закрывали.

Кира попросила проверить пластик на следы металла клапана и закончила разговор.

Лариса закрыла коробку.

— Теперь вы знаете, зачем он поехал?

— Он получил предупреждение о баллонах, решил вручную закрыть клапан и пометить его своей пломбой.

— Нет. Вы знаете, что он хотел сделать. Зачем — ещё нет.

— Чтобы предотвратить запуск газа.

— Гена не геройствовал из любви к правилам. В архиве были люди.

Холодов выпрямился.

— Он знал о Радаеве?

— Не знаю. Перед выходом он сказал: «Если они внутри, ждать заявку нельзя».

Та же фраза, почти дословно, стояла в обрывке будущего сообщения Геннадия, которого Кира ещё не слышала. Но сейчас она существовала только в памяти вдовы.

— Кто «они»?

— Я спросила. Он уже застёгивал куртку. Ответил: «Те, кого там по графику нет».

Марк и Софья пришли в архив не по графику. Радаев тоже не должен был находиться там ночью. Если звонивший предупредил Геннадия не только о газе, но и о людях внутри, он знал план инсценировки до её начала.

Телефон Киры завибрировал. Дежурный сообщил: оператор домашней линии подтвердил входящий вызов в 21:36 через служебный шлюз городской аварийной сети. Исходный внутренний номер скрылся при переадресации, но список активных рабочих мест можно было получить у диспетчерской.

— Марк мог звонить через этот шлюз? — спросил Холодов.

— Он аварийный диспетчер. Мог.

— Тогда его речной ил перестаёт быть только следом спасения. Он заранее вызвал Барышева в опасное место.

— Если звонил он.

— Кто ещё имел доступ?

— Сейчас узнаем.

Лариса посмотрела сначала на Холодова, потом на Киру.

— Вы уже нашли удобную историю? Молодой человек позвал старого сторожа, старый сторож полез к клапану и погиб?

— Мы нашли канал звонка, — сказала Кира. — Не человека.

— Тогда запишите это крупно.

Кира записала.

Они оформили добровольную передачу тетради и фотографирование коробки. Пломбы остались у Ларисы. Перед уходом она остановила Киру в прихожей.

— В морге сказали, что на руках у Гены ожоги. Значит, он всё-таки добрался до клапана?

Кира не стала прикрывать незнание утешением.

— Он добрался до решётки возле него. Что сделал дальше, установит эксперт.

— Но не убежал.

— Не убежал.

— Не пишите, что не успел.

— Почему?

— Потому что это опять делает его человеком, с которым что-то случилось. Напишите: остался.

На улице Холодов задержался у машины.

— Ты позволила ей диктовать формулировку протокола.

— Нет. Она показала разницу между фактом и нашей привычкой. «Не успел выйти» — вывод. «Остался у клапана» — положение тела и направление следов.

— Направление следов мы ещё не проверили.

— Значит, проверим.

Холодов открыл сообщение из суда. До контрольного доклада оставалось двадцать девять минут.

— У нас анонимный звонок через сеть Марка, его ил у двери и его ложь о маршруте. Этого достаточно, чтобы назвать его спасителем и одновременно проверить причастность к вызову Барышева.

— Нет. Это достаточно, чтобы изъять журнал рабочих мест. Если мы назовём Марка сейчас, техническая группа вскрыет маршрут к Радаеву раньше, чем мы узнаем, кто пользовался шлюзом.

— Ты собираешь доказательства так, будто времени нет, и принимаешь решения так, будто оно бесконечно.

— Я не хочу второй раз назначить поступку удобного владельца.

Он понял, что она говорит не только о Геннадии.

В машине Кира разложила на экране четыре времени. 21:36 — анонимный звонок Барышеву. 22:25:41 — фактический запуск системы. 22:26 — округлённая формула двух признаний. 22:29 — белая дверь открыта изнутри.

Между первым и вторым событием было почти пятьдесят минут. Геннадий успел доехать, открыть архив своим ключом, увидеть людей, добраться до клапана и достать новую пломбу. Его присутствие не было случайностью. Но тот, кто вызвал его, либо пытался предотвратить катастрофу, либо обеспечил свидетеля, на которого потом можно было переложить запуск.

Кира позвонила в диспетчерскую и потребовала сохранить список всех рабочих мест, подключённых к шлюзу в 21:36.

— Там автоматическая очистка каждые шесть часов, — ответил сонный администратор.
— Утренний цикл в пять.

На часах было 04:31.

— Ничего не выключайте и не запускайте вручную. Группа уже едет.

— Для выгрузки нужен руководитель смены.

— Будите.

— Он не отвечает.

— Тогда будите того, кому он не захочет объяснять удалённый журнал.

Она закончила вызов. Холодов велел водителю ехать в диспетчерскую.

На коленях у Киры лежала фотография красных пломб. Три последовательных номера дома, четвёртый — в пакете из морга. Геннадий принёс не улику из прошлого, а инструмент для будущего действия. Он знал об угрозе до газа и вошёл в здание по своей воле.

Оставался вопрос, который не помещался ни в одну форму правила спасителя: кто предупредил сторожа — и рассчитывал ли этот человек, что Геннадий останется у клапана?

Глава 7. Первый срок

В диспетчерскую они вошли в 04:43.

За стеклянной перегородкой горели шесть мониторов, хотя людей было двое. На центральной стене пульсировала карта Пристанска: водоводы, тепловые узлы, пожарные контуры, речные насосы. Зелёные линии выглядели спокойными. Красным мигал только архивный квартал, уже отключённый от сети после пожара.

Администратор, говоривший с Кирой по телефону, оказался совсем молодым. На его пропуске было написано «Павел Жуков», под глазами темнели следы бессонной ночи.

— Утренний цикл уже получил команду, — сказал он вместо приветствия. — В пять ноль-ноль локальный журнал сжимается. Отменить штатно может руководитель смены.

— Где он?

— Не отвечает.

Холодов показал распоряжение о сохранении данных.

— Теперь отвечаете вы.

Павел прочитал шапку, потом подпись, задержался на гербовой метке закрытого производства.

— Это даёт право скопировать журнал. Но не выключить очистку. Там разные контуры полномочий.

— Сколько занимает копирование? — спросила Кира.

— Если хранилище не заблокирует выгрузку — минуты три. Если заблокирует, нужен администратор второго уровня.

— Это вы?

— Я первый.

На часах над картой сменилось 04:44.

Кира положила на стойку опечатанный накопитель экспертной группы.

— Начинайте первый уровень. Все отказы фиксируйте на видео.

Павел не двинулся.

— Мне потом скажут, что я отдал служебные маршруты без допуска.

— А если вы ничего не сделаете, вам скажут, что вы позволили уничтожить сведения по делу о гибели человека. Разница в том, что второй разговор будет записан в протоколе уже сегодня.

Он посмотрел на Холодова, будто надеялся услышать менее жёсткую версию. Прокурор молча включил нагрудную камеру.

Павел приложил карту к считывателю и сел за дальний терминал.

Диспетчерская встретила их не сопротивлением, а множеством маленьких разрешений. Открыть архив смены. Подтвердить предупреждение. Выбрать диапазон. Отдельно отметить, что выгружаются служебные номера. Ввести причину. На каждом экране система предлагала вернуться назад.

Кира смотрела не на бегущую полосу копирования, а на часы.

04:47.

— Покажите запись по шлюзу в 21:36, — сказала она.

— Выгрузка ещё идёт.

— Покажите в локальном журнале.

Павел открыл таблицу. Строки состояли из времени, внутреннего рабочего места, маршрута и результата соединения. В 21:36:08 служебный шлюз принял запрос с узла Д-4. Через секунду вызов ушёл на домашний номер Барышева. Длительность — сорок две секунды.

Холодов наклонился к экрану.

— Д-4 — место Левина?

— В ту смену да.

— Кто вошёл в систему?

Павел раскрыл поле пользователя. На экране появилось: «LEV_M».

Холодов ничего не сказал. Он просто перевёл взгляд на Киру.

Она попросила открыть сведения о сеансе. Вход по карте Марка Левина в 19:52. Выхода не было до 22:47, когда учётную запись заблокировала дежурная служба.

— Значит, звонил Марк, — сказал Холодов.

— Значит, звонок прошёл с его рабочего места в его сеансе.

— Ты сейчас различаешь это ради точности или ради него?

— Ради того, чтобы суд не перепутал имя в поле с человеком у микрофона.

Павел поднял руку, как ученик.

— Там нет микрофона.

— Что?

— На Д-4 гарнитура сломана с позавчера. Внутренние вызовы идут через соседнее место, если выбрать переадресацию.

Кира попросила показать схему. Узел Д-4 стоял в центре ряда, рядом — Д-3 и Д-5. В журнале маршрут действительно содержал короткую отметку «AUX-3».

— Голосовой канал физически был на Д-3? — спросила она.

— Скорее всего. Запрос создаёт Д-4, а разговаривают с Д-3.

— Кто работал за Д-3?

Павел открыл табель. В соседней строке значилось: «дежурный координатор С. Н. Власова».

— Она могла набрать номер с места Марка?

— Могла говорить через свою гарнитуру после того, как кто-то на Д-4 создал вызов. Или Марк мог сесть к ней. Или они могли передать гарнитуру. Тут открытый зал, не кабины.

Холодов указал на поле пользователя.

— Но запрос создал Марк.

— Его сеанс, — повторила Кира. — Где журнал присутствия?

Система контроля доступа показывала только вход в диспетчерскую в 19:47 и выход в 22:51. Внутри не было турникетов. Камера над рядом Д снимала общим планом, но архив хранился у подрядчика городской сети и уже был недоступен с локального терминала.

— Как удобно, — сказал Холодов.

— Не для Марка. Его имя осталось там, где лица нет.

04:51.

Полоса выгрузки остановилась на восьмидесяти двух процентах. Появилось окно: «Экспорт служебных маршрутов требует подтверждения уровня 2».

Павел побледнел.

— Я предупреждал.

— Кто второй уровень?

— Начальник инфраструктуры.

— Телефон.

Он продиктовал. Абонент был недоступен.

Холодов потребовал резервного администратора. Павел назвал женщину из утренней смены, которая должна была прийти к шести. Кира позвонила ей сама. После четвёртого гудка хриплый голос сообщил, что код второго уровня формируется аппаратным ключом, а ключ заперт в сейфе руководителя.

— Кто может открыть сейф?

— Руководитель или служба безопасности при аварии.

— Гибель человека считается аварией?

— Для сейфа — нет. Для сейфа авария, если потеряно управление сетью.

Кира посмотрела на карту. Сеть управлялась. Именно поэтому люди вокруг считали, что ничего срочного не происходит.

— Можно сохранить локальный раздел без экспорта маршрутов? — спросила она у Павла.

— Снимок системы. Но он останется здесь и попадёт под очистку.

— Если раздел отключить от расписания?

— Нужен второй уровень.

— Если отключить сам накопитель?

Павел отодвинул кресло.

— Тогда диспетчерская потеряет оперативную историю. И можно повредить базу.

— Только историю или управление?

— Управление на другом сервере.

— Покажите стойку.

Холодов понял раньше Павла.

— Ты хочешь изъять сервер.

— Накопитель локального журнала. После создания побитовой копии вернём.

— За девять минут до суда ты оставишь городскую диспетчерскую без истории аварий.

— За девять минут до очистки я сохраню доказательство, которое уже постановила сохранять.

Павел встал между ними и дверью аппаратной.

— Я не умею снимать этот массив. Там зеркало из двух дисков.

Кира вызвала техника следственной группы. Тот был ещё в машине и ответил, что поднимется за две минуты.

04:54.

— Если массив зеркальный, — сказал Холодов, — можно снять один диск, а второй оставить системе.

Павел покачал головой.

— Можно, если они исправны. Вчера зеркало показывало предупреждение по второму диску.

— Какое предупреждение?

— О задержке записи. Не отказ.

— И это нигде не зарегистрировано?

— Заявка создана.

— Кому?

Павел замолчал.

— «Северному контуру»? — спросила Кира.

Он кивнул.

Подрядчик обслуживал архивную камеру, систему газа и теперь выяснялось — хранилище диспетчерской, через которое прошёл вызов Геннадия. Это ещё не связывало события. В городе мог существовать один большой подрядчик, обслуживающий всё неудобное. Но у каждого исчезнувшего журнала появлялся один и тот же будущий мастер.

Техник вбежал с кейсом. Кира вручила ему постановление и приказала сначала снять контрольные суммы работающих томов, затем вывести один диск из зеркала только после проверки второго.

— Не успеем, — сказал он.

— Что успеем?

— Заблокировать расписание на уровне операционной системы. Прикладная очистка получит отказ. Нужна учётная запись локального администратора.

Павел сказал, что такой записи у него нет.

— А у кого есть?

— У сервисной службы.

— У «Северного контура», — произнёс Холодов.

До пяти оставалось четыре минуты.

Кира попросила техника включить непрерывную видеозапись экрана и снять на камеру все видимые строки за нужный диапазон. Это не заменяло исходный журнал: защитник справедливо спросил бы, что осталось выше и ниже кадра, кто сортировал таблицу и могла ли строка быть изменена. Но видимое доказательство было лучше рассказа о том, что они не успели.

Павел прокручивал события. Техник снимал экран, часы системы и лицо оператора одним кадром. Кира вслух называла диапазон и контрольные признаки. На 04:59:12 Холодов дозвонился руководителю смены.

— Подтвердите остановку очистки, — потребовал он.

Из динамика донеслось сонное возмущение:

— Я не могу с телефона. Там аппаратный ключ.

— Тогда сообщите код от сейфа службе безопасности.

— Код не сообщается.

— Через сорок секунд будет уничтожен журнал по делу о смерти Барышева.

— Он не уничтожается, а агрегируется. События останутся в статистике.

— Имя пользователя останется?

— Нет.

— Рабочее место?

— Нет.

— Маршрут голосового канала?

— Послушайте, это штатная политика хранения.

На стене сменилось 05:00.

Таблица на экране исчезла. Вместо неё возник серый прямоугольник: «Выполняется обслуживание».

Никто не говорил. Через семь секунд полоса экспорта, замершая на восьмидесяти двух процентах, дёрнулась и стала зелёной.

«Выгрузка завершена».

Павел не поверил и открыл папку назначения. На опечатанном накопителе лежал файл размером в несколько гигабайт. Техник сразу начал считать контрольную сумму.

— Как он завершился после очистки? — спросил Холодов.

— Наверное, экспорт держал снимок до запуска цикла, — сказал Павел. — Подтверждение второго уровня требовалось для закрытой части, а когда исходный журнал перешёл в архивный слой, права пересчитались.

— То есть система сначала удалила имена, а потом разрешила их копировать?

— Я не знаю, что именно попало в файл.

Они узнали через минуту. В выгрузке сохранились события до 04:40, включая строку 21:36:08, узел Д-4, сеанс Марка и переадресацию на Д-3. Закрытые номера были заменены служебными идентификаторами, но домашний номер Барышева можно было сопоставить по ответу оператора связи. Исходные поля не исчезли.

Кира подписала протокол получения, приложила видеозапись экрана и отдельно отметила автоматическую очистку в 05:00. Журнал был сохранён, но он доказывал меньше, чем хотел Холодов: действие двух рабочих мест, одного сеанса и неизвестного голоса.

— Власову доставить на опрос, — сказал он у выхода. — Левина спросить о звонке повторно.

— После того, как зафиксируем конфигурацию рабочих мест. Иначе оба будут отвечать на нашу версию, а не на свои действия.

— Суд через три минуты.

Закрытое заседание провели по защищённой связи из комнаты начальника диспетчерской. На стене висела фотография речного порта в солнечный день. Кира видела судью только по плечи; рядом с ним стояли часы с секундной стрелкой.

Судья Савельев не стал слушать пересказ пожара.

— Два признания остаются в силе?

— Да, — ответил Холодов.

— Каждый называет другого спасителем?

— Да.

— Местонахождение Радаева установлено?

— Нет.

— Тогда оснований продлевать закрытый режим сверх первоначальных сорока восьми часов нет.

Кира включила микрофон.

— Мы не просим продления. Мы просим не назначать единственного спасителя до проверки действий внутри и снаружи архива.

— Следователь Соколова, правило требует адресата обязанности. Суд не может направить требование неопределённому кругу из двух лиц.

— Но фактически спасение могло состоять из нескольких действий.

— Фактически — да. Процедурно статус должен принадлежать одному лицу.

— Тогда процедура заставляет нас выбрать не установленный факт, а удобную версию. Савельев снял очки.

— Процедура заставляет вас представить суду результат расследования в срок. Не перекладывайте на неё недостаток результата.

Холодов положил перед камерой схему: Марк, Софья, белая дверь, река.

— У нас есть основания считать спасителем Левина. Ил на обуви совпадает с порогом речного выхода. Ершова находилась внутри и открыла дверь. Левин вывел Радаева к воде.

Кира почувствовала, как быстро предположение становится предложением, а предложение — судебной строкой.

— Волокно медицинского одеяла есть и на одежде Ершовой, и в защёлке двери, — сказала она. — Если она освободила дыхание Радаева, переместила его из реставрационной комнаты и удержала выход, её действие не менее необходимо. Кроме того, Левин признался в опасном действии и по буквальному правилу исключён из статуса.

— Тогда Ершова, — сказал судья.

Холодов повернулся к Кире. В этой короткой реплике обнаружилась ловушка: любое возражение против одного имени толкало суд ко второму.

— Оба признания противоречат физическим следам, — сказала Кира. — Назначение любого из них сейчас вознаградит того, кто построил схему именно вокруг процедуры.

— Кто её построил?

— Пока не установлено.

— Кому выгодно?

Кира посмотрела на схему. До этой минуты она всё время сравнивала признания с пожаром: кто знал свет, кто мог коснуться рычага, кто шёл по воде. Но признания были произнесены уже после пожара. Их целью могло быть не описание прошлого, а создание будущих обязанностей.

Марк называл Софью спасителем — значит, передавал ей обязанность раскрыть адрес и одновременно снимал её с себя. Софья делала то же самое с Марком. Если каждый доверял другому выдержать давление, взаимная конструкция покупала время. Если один рассчитывал, что другой сломается, конструкция назначала слабого носителем адреса. А если текст признаний подсказал третий человек, он заранее выбрал, кого суд начнёт принуждать первым.

— Выгода не у того, чьё признание звучит убедительнее, — сказала Кира. — Она у того, кто получает нужное поведение названного спасителя. Нам нужно проверить, почему Левин назначает Ершову и почему Ершова назначает Левина: кому из них известен адрес, кто способен его раскрыть, чьё имя открывает технический маршрут и кто рассчитывает на судебное давление.

— Это направление расследования, а не ответ суду.

— Сейчас это честнее ложного ответа.

Савельев вернул очки на место.

— Суд оставляет закрытый режим в пределах уже начавшегося срока. Никакого нового срока сегодня не возникает. К окончанию первых двадцати четырёх часов обвинение представляет одного носителя статуса спасителя либо доказательства невозможности индивидуализации. Если не представит, суд направит требования обоим последовательно.

— Последовательно в каком порядке? — спросила Кира.

— Сначала лицу, чья непричастность к запуску газа подтверждена лучше.

Это означало, что следствие само подскажет, на кого давить первым. Чем успешнее Кира очистит одного от ложной вины, тем быстрее приведёт суд к его обязанности назвать госпиталь.

— Каков срок ответа на требование? — спросил Холодов.

— Шесть часов. Отказ позволит раскрыть служебные маршруты без согласия спасителя.

Кира посмотрела на сохранённый журнал. Полчаса назад она боролась за маршруты, потому что они могли назвать голос, вызвавший Геннадия. Теперь те же слова означали путь к Радаеву.

— Контрольная точка? — спросил Холодов.

Судья сверился с часами.

— Сегодня, 00:17. До неё осталось девятнадцать часов двенадцать минут. Полное окно истекает завтра в 00:17. Опоздание хотя бы на минуту считается отсутствием представления.

Экран погас.

Холодов сразу собрал бумаги.

— Выбираем Марка. Ил, дверь, звонок Барышеву. За три часа можно закрепить.

— Звонок делает его не только возможным спасителем. Он может делать его человеком, который вызвал Геннадия. Если смешаем действия, получим одного удобного виновного вместо последовательности.

— А если не выберем, Савельев ударит по обоим. Ты слышала.

— Поэтому я не буду выбирать между признаниями. Я проверю назначения.

— Разница?

— Раньше мы спрашивали Марка: «Как вы спасли Радаева?» Теперь спросим: «Почему вы решили, что адрес должен потребовать у Софьи?» И у неё — наоборот. Потом проверим, кто из них вообще мог знать адрес в момент признания.

— И звонок?

— Сначала Власова и физическая схема Д-3—Д-4. Потом журнал всех обращений Марка в ночь пожара. Не только один удобный вызов.

Холодов взглянул на часы.

— Девятнадцать часов.

— Нет. Шесть.

— Суд дал девятнадцать.

— Если мы очистим Софью от запуска через шесть часов, она станет первым адресатом. Если очистим Марка — им станет он. Каждое доказательство теперь сокращает чью-то защиту.

Павел постучал в дверь и протянул распечатку контрольных сумм. За его спиной диспетчерская уже жила обычным утром. На карте зажёгся новый жёлтый сигнал, оператор принял вызов о падении давления, кто-то наливал кофе в бумажный стакан.

Кира подписала лист и написала сверху время: 05:11.

Первый срок не закончился. Он только перестал быть общим.

Теперь каждая установленная правда запускала отдельный отсчёт до выдачи живого человека.

Глава 8. Два звонка

В комнате для опросов Светлана Власова села не на предложенный стул, а на соседний — так, чтобы видеть дверь и часы над ней. На ней всё ещё была синяя кофта диспетчерской, только пропуск исчез с нагрудного кармана. Светлый прямоугольник от пластика выглядел аккуратнее всей остальной одежды.

Кира положила на стол не протокол, а схему рабочих мест Д-3 и Д-4.

— Вы координировали вечернюю смену двадцать второго?

— До двадцати трёх ноль-ноль. Потом сдала зал Павлу.

— Где вы находились в двадцать один тридцать шесть?

— В зале.

— За каким столом?

Светлана посмотрела на схему.

— За своим. Д-3.

— Из вашей гарнитуры позвонили Геннадию Барышеву.

Ответ пришёл слишком быстро:

— Я ему не звонила.

— Я не спрашивала, звонили ли вы.

Светлана прижала ладони к коленям. Кира заметила на правом запястье серую полосу от гарнитурного браслета — такие носили координаторы, чтобы не оставлять гарнитуру у чужого терминала.

— Вы сказали: из моей гарнитуры. Я ответила.

Холодов стоял у стены, не вмешиваясь. После заседания он перестал смотреть на часы открыто, но каждые несколько минут экран его телефона вспыхивал в ладони. До контрольной точки оставалось меньше девятнадцати часов. До первого возможного требования спасителю — столько, сколько понадобится Кире, чтобы доказать чью-то непричастность.

— Вызов создан в сеансе Марка Левина с узла Д-4, — сказала Кира. — Голосовой канал взят с Д-3. Объясните, как это делается.

— Никак. То есть штатно — никак.

— А нештатно?

— Перехватить карточку обращения. Марк мог открыть номер на своём месте, а я — принять карточку на координацию. Тогда набор остаётся за его сеансом, а звук идёт через мою гарнитуру.

— Для чего вы перехватываете карточки?

— Если оператор занят, если нужен старший смены, если закрытый номер.

— Номер Барышева был закрытым?

— Нет.

— Марк был занят?

— Не помню.

— Вы принимали карточку?

— Не помню.

Кира развернула перед ней лист с временной шкалой. В строке 21:36:08 не было имени Власовой. Только Д-3, Д-4 и идентификатор сеанса Марка.

— В журнале есть техническое действие, но нет причины. В памяти у вас нет действия, зато сразу нашлась техническая возможность.

— Я восемь лет работаю с этой системой.

— Тогда вспомните смену.

Светлана посмотрела на Холодова.

— Мне нужен адвокат?

— Вы опрашиваетесь как свидетель, — ответил он. — Но право пригласить представителя у вас есть.

— Если приглашу, меня отстранят.

— Вас уже отстранили от пульта до завершения проверки, — сказала Кира. — Это не наказание. Нам нужно сохранить журналы и разделить действия.

— Разделить, — повторила Светлана. — У вас всегда хорошее слово для того, что потом становится фамилией в постановлении.

Она попросила воды. Кира налила из графина и не продолжала, пока Светлана не поставила стакан.

— В двадцать один тридцать пять Марк подошёл ко мне, — сказала та. — Попросил разрешить внешний вызов из карточки аварии. Я спросила, какой аварии. Он сказал: «Старой, но она сейчас станет новой». Мне это не понравилось.

— Вы разрешили?

— У него и без меня был внешний шлюз.

— Тогда зачем он подошёл?

— Чтобы вызов не выглядел личным. Если карточку подхватывает координатор, она попадает в служебную цепочку.

— Вы подхватили?

Светлана провела пальцем по краю стакана.

— Он набрал. Я увидела домашний номер и спросила, кто это. Марк сказал: сторож архива, надо предупредить о баллонах. Потом на моём экране открылась другая авария — падение давления на Западной набережной. Я встала к настенной карте. Гарнитуру оставила на столе.

— Зачем?

— До карты два шага. Браслет не даёт ей упасть.

— Кто говорил с Барышевым?

— Я не слышала.

— Марк оставался рядом?

— Сначала да.

— Кто ещё мог подойти?

— Ползала. Камеры внутри нет, вы уже знаете.

— Назовите людей.

Светлана перечислила шестерых операторов, техника связи, курьера с ночными путевыми листами и двух сотрудников сервисной службы. Одного она помнила по красной куртке, второго — только по серому кейсу. В книге входа оба были записаны общей строкой: «СК, диагностика массива», без фамилий.

Холодов оторвался от стены.

— «Северный контур» проводил диагностику в ту же смену?

— Их вызвали из-за задержки зеркала.

— Кто вызвал?

— Системная заявка пришла днём.

— Время их ухода?

— Один ушёл около десяти. Второго я не видела.

Кира записала это отдельно. Сервисный сотрудник возле свободной гарнитуры объяснял возможность чужого голоса, но не доказывал её. Слишком удобная фигура без фамилии могла стать таким же ложным ответом, как единственный спаситель.

— Что произошло после звонка? — спросила она.

— Марк вернулся за свой пульт. Сказал, что дозвонился.

- Что ответил Барышев?
- Что проверит.
- Именно так?
- Марк сказал: «Он проверит».
- Вы видели, что соединение завершено?
- На моей панели погас канал.
- В двадцать один тридцать семь?
- Наверное.

Кира закрыла лист со звонком Геннадию.

- Теперь архив. Вы давали Марку доступ к журналу его обращений за ночь?
- После пожара начальник смены велел всем распечатать действия.
- Во сколько?
- Когда приехала полиция. Около половины первого.
- Марк в это время уже был задержан.
- Тогда распечатывал Павел. Или я. Было много запросов.
- На бумаге сохранилась строка вызова в архив в двадцать два девятнадцать. В цифровой выгрузке мы пока искали только звонок Барышеву. Сейчас откроем весь диапазон.

Светлана впервые перестала смотреть на часы.

- Там было два обращения.

В комнате ничего не изменилось, но Холодов убрал телефон в карман.

- Откуда вы знаете? — спросила Кира.
- Потому что Марк дважды просил меня дать городской шлюз.
- В какое время?
- Около четверти одиннадцатого и через пять минут.
- Куда?
- В архив.
- Он признаёт только звонок в двадцать два девятнадцать.

Светлана опустила взгляд на схему.

- Значит, первый не соединился.
- Вы это помните или предполагаете?
- Если бы соединился, Марк сказал бы.
- Как сказал про Барышева?

Светлана не ответила.

Кира вызвала техника. Опечатанный накопитель уже подключили к изолированной станции, контрольная сумма совпала с протоколом. Полная выгрузка открывалась в соседней комнате, где окна заклеили матовой плёнкой, а сеть физически отключили. Власову перевели туда вместе с представителем диспетчерской; Холодов пошёл последним и прикрыл дверь.

Техник создал рабочую копию и поставил фильтр по сеансу Марка. На экране осталось сто восемь событий: вход, карточки аварий, внутренние сообщения, открытия справочников, исходящие соединения. Кира попросила показать диапазон с двадцати двух до двадцати двух тридцати без сортировки.

Строки шли по времени. В 22:13:51 Марк открыл карточку речного архива. В 22:14:03 запросил внешний шлюз. В 22:14:07 система создала исходящий вызов. В графе адресата стоял служебный идентификатор, который требовал сопоставления с отдельным справочником. В 22:14:18 канал перешёл в состояние «ответ». В 22:14:31 — «завершён пользователем».

Тринадцать секунд разговора.

В 22:18:54 та же карточка открылась снова. В 22:19:02 был создан второй вызов, в 22:19:11 получен ответ, в 22:20:06 канал завершился с удалённой стороны.

Пятьдесят пять секунд.

— Оба соединились, — сказал Холодов.

Светлана стояла за спиной техника.

— Первый мог принять автомат.

— В архиве был автоматический ответчик? — спросила Кира.

— Не знаю.

— А вы сказали, что Марк звонил в архив.

— Карточка была архивная.

— Адресат пока скрыт идентификатором. Вы могли видеть номер тогда?

— На панели координатора.

— И видели?

— Видела название объекта.

— Название подтягивается из карточки, а не из номера, — сказал техник.

Светлана обернулась к нему, будто до этого считала его частью мебели.

— Тогда не помню.

Кира попросила сопоставить оба идентификатора со справочником, сохранённым в выгрузке. Техник открыл таблицу соответствий. Первый адресат значился как внутренний номер поста охраны речного архива. Второй — как служебный мобильный того же объекта.

— Пост охраны и мобильный Барышева? — спросил Холодов.

— Нет, — ответила Кира. — Домашний номер Барышева был в другом шлюзе. Служебный мобильный мог находиться у дежурного, начальника объекта или в зарядном шкафу. Сначала установим владельца.

Она смотрела на длительности. Тринадцать секунд первого разговора хватало, чтобы произнести условную фразу. Или услышать чужой голос и положить трубку. Пятьдесят пять секунд второго позволяли договориться о действиях. Марк признавал только второй, следовательно, первый был для него опаснее не длительностью, а адресатом или содержанием.

— Распечатку, которую передали следствию, — сказала Кира. — Принесите оригинал и служебный принтер, на котором её делали.

Представитель диспетчерской ответил, что принтер нельзя изъять: единственный аппарат печатал наряды на аварийные выезды.

— Тогда опечатаем лотки, снимем образцы и журнал заданий. Наряды временно печатайте в административном корпусе.

— Это задержит бригады.

— На десять минут. Если продолжите спорить — на час.

Бумажную распечатку привезли из следственного управления в прозрачном пакете. В ней было семь страниц, скреплённых в левом углу. На шестой странице значился вызов 22:19. Строки 22:14 не было. Между событиями 22:13:51 и 22:15:06 оставалось обычное расстояние — никакого белого провала, который можно заметить взглядом.

— Ее не удалили ножницами, — сказал Холодов.

— Её не включили в выборку, — ответил техник. — Или страницу собрали заново.

Кира попросила увеличить фотографию листа. Цифры выглядели одинаково, но буква «а» в слове «карточка» на строке 22:19 была чуть уже, чем выше. Тонкая ножка единицы не совпадала с соседними единицами. Это мог быть другой режим печати, замена картриджа или сжатие при экспорте.

— Не глазами, — сказала она. — Измерьте.

Эксперт по документам приехал через сорок минут. Всё это время Кира не отпускала Власову, но и не задавала новых вопросов. Светлана сидела в коридоре рядом с представителем диспетчерской. Холодов попытался вызвать Марка на повторный допрос; Кира остановила его.

— Если покажем два времени, он выберет объяснение под оба.

— У него уже было объяснение. Он признал звонок в девятнадцать.

— Он признал выбранную строку на нашей бумаге. Я хочу понять, откуда бумага узнала, какую строку выбрать.

Эксперт разложил листы на сером столе. Сначала осмотрел края и скобу. Отверстия совпадали, повторного скрепления не обнаружилось. Бумага была из одной пачки. Потом снял микрофотографии тонера.

— Пять страниц и верх шестой напечатаны одним устройством в одном режиме, — сказал он. — Здесь регулярная сетка раstra, одинаковое спекание частиц. А вот эта строка отличается.

Он указал на событие 22:19.

— Другой принтер? — спросил Холодов.

— Другой шрифт точно. Возможно, другое устройство или повторный прогон через то же устройство после изменения документа. У единицы иной кернинг, у двоеточия другая высота, насыщенность тонера выше. Фоновая сетка таблицы под строкой тоже прерывается.

Кира наклонилась ближе. Строка не была частью первоначальной печати. Её добавили поверх свободного места так, чтобы она заняла ровно одну позицию между соседними событиями.

— А строки 22:14 здесь не было никогда? — спросила она.

— По бумаге нельзя сказать. Можно сказать, что строка 22:19 нанесена позднее основного текста. Чтобы установить исходное содержание, нужен файл печати или журнал принтера.

Служебный принтер хранил названия последних заданий, размер и время, но не содержимое. В 00:41 была напечатана выгрузка на шесть страниц. В 01:07 — одностраничный документ без имени пользователя. В 01:09 — ещё одна выгрузка, уже на семь страниц. Лист, переданный следствию, состоял из семи страниц. Значит, его собрали не раньше 01:09, когда Марк и Софья уже дали признания, а пожар стал уголовным делом.

— Кто печатал в 01:07? — спросила Кира.

— Журнал заданий этого не хранит, — ответил техник. — Печать могла идти с любого терминала в локальной сети.

— Сервисные учётные записи?

— Тоже.

Светлану вернули в комнату. Перед ней положили не оригинал, а фотографию шестой страницы.

— Вы распечатывали это?

— Я не знаю.

— В 00:41 кто-то вывел шесть страниц исходной выборки. В 01:07 напечатал одну страницу с добавленной строкой. В 01:09 сформировал семистраничный комплект. Вы были в диспетчерской.

— Как и Павел. Как начальник смены. Как ваши сотрудники.

— Наши сотрудники не имели доступа к локальной сети в 01:07.

— Зато забирали бумаги со стола.

— Строка 22:19 напечатана поверх таблицы другим шрифтом. Она не могла появиться оттого, что лист взяли со стола.

Светлана прочла строку и закрыла глаза.

— Я видела этот лист раньше.

— Когда?

— После пожара. Павел принёс распечатку и спросил, все ли обращения Марка на месте. Там были оба звонка.

— В 00:41?

— Наверное.

— Что вы ответили?

- Что первый звонок лишний.
Холодов подался вперёд.
- Лишний для чего?
- Для отчёта об аварии. Марк в первый раз звонил не по аварийной карточке.
- Вы только что сказали, что карточка была архивная.
- Он открыл её как основание для шлюза. Но первый номер набрал вручную.
- Чей номер?
- Поста охраны.
- Откуда вы знаете?
- Марк сказал.
- До пожара или после?
- Светлана долго молчала.
- До. Когда попросил шлюз.
- Почему вы решили исключить соединённый вызов из отчёта?
- Потому что он не относился к аварии.
- Через двенадцать минут в архиве запустился газ. Любой звонок туда относился к аварии.
- После — да. Тогда я этого не знала.
- Но вы оценивали его уже после пожара.
- Светлана открыла глаза.
- Я не удаляла строку.
- Кто удалил?
- Я сказала Павлу, что выборка неверная. Он ушёл к принтеру. Потом принёс другой комплект.
- С добавленной строкой 22:19?
- Я не сравнивала шрифты.
- Вы проверили события?
- На второй распечатке был один вызов. Я решила, что Павел убрал ручной набор и оставил обращение из карточки.
- А он сделал наоборот, — сказала Кира. — Цифровой журнал показывает: оба события связаны с карточкой, оба соединены. В бумажном комплекте первый исчез, а второй добавлен позднее. Это не технический экспорт. Это документ, собранный после пожара.
- Светлана посмотрела на дверь.
- Тогда спрашивайте Павла.
- Спросим. Но сначала вы подпишете показания о двух просьбах Марка и исходной распечатке с двумя звонками.
- Вы сделаете меня соучастницей.
- Я разделю то, что вы видели, что сделали и чего не сделали. Остальное решат доказательства.
- А если я откажусь подписывать?
- Видеозапись опроса сохранится. Отказ тоже.
- Светлана взяла ручку, но не коснулась бумаги.
- Марк не мог говорить тринадцать секунд с постом охраны.
- Почему?
- Там никто не отвечал после десяти вечера. Геннадий обходил здание с переносной трубкой.
- Служебный мобильный был у него?
- Обычно да.
- Тогда кто ответил на посту в 22:14?

Светлана поставила подпись.

— Вот этого я и испугалась, когда увидела первый журнал.

После её ухода Кира вернулась к цифровой выгрузке. Первый вызов был адресован стационарному посту. Второй — служебному мобильному. Между ними Марк не создавал новых карточек и не отправлял сообщений. Зато в 22:16:44 его сеанс запросил справочник внутренних маршрутов архива. Запрос длился две секунды и завершился отказом: недостаточный уровень доступа.

— Он пытался узнать, куда переадресуется пост, — сказал Холодов.

— Или проверить, кто мог ответить.

— И скрыл первый вызов.

— Не он передал нам эту распечатку. В 01:07 Марк находился в изоляторе, Софья — в комнате опросов. Ни один физически не был у принтера.

— Можно было договориться заранее.

— Можно. Но правка сделана после пожара и подстраивается под уже произнесённое признание Марка. Пока это два разных события: его молчание о звонке и чужая работа с бумагой.

Холодов провёл пальцем по временной шкале.

— Если первый звонок сделал не Марк?

— Сеанс его. В отличие от звонка Барышеву, голосовой канал не перехватывался с Д-3.

Но гарнитурой мог воспользоваться тот, кто стоял у Д-4.

— Опять ползала подозреваемых.

— Нет. Узкий промежуток и конкретное рабочее место. Проверим, где находился Марк с 22:13 до 22:15, кто был рядом и зачем после пожара оставили только второй вызов.

— Позовём его сейчас.

Кира посмотрела на часы. Было 07:02. Судебная контрольная точка приближалась, но два звонка не очищали Марка и не назначали его виновным. Они делали другое: превращали его признание из цельного рассказа в отредактированную последовательность.

— Сначала Павел и оригинальная шестистраничная распечатка, — сказала она. — Потом владелец служебного мобильного и журнал доступа к посту. Марку зададим вопрос, на который у нас уже будет ответ.

— А если исходные шесть страниц уничтожены?

— Тогда найдём файл задания. Принтер получил его от конкретного адреса.

— Техник сказал, содержимое не хранится.

— Содержимое — нет. Маршрут хранит коммутатор.

На экране рядом стояли два времени: 22:14 и 22:19. В бумажном деле осталось одно, удобное для признания. В цифровом журнале сохранились оба, неудобные для всех.

Кира внесла в протокол отдельные формулировки: первый вызов существовал до правки; второй существовал независимо от неё; поздняя строка не доказывала ложность цифрового события; отсутствие первой строки не доказывало, что её удалил Марк. Четыре короткие фразы удерживали дело от одного лёгкого вывода.

Холодов прочёл их и поставил подпись под временем осмотра.

— Ты защищаешь бумагу от нашей версии.

— Я защищаю два звонка друг от друга.

В 07:11 техник нашёл адрес терминала, отправившего одностраничное задание в 01:07.

Это был не Д-3 Светланы и не Д-4 Марка.

Задание пришло из комнаты сервисной службы, где после пожара оставался человек с серым кейсом.

Глава 9. Архив Радаева

Рабочий кабинет Ильи Радаева находился на третьем этаже Счётной палаты Пристанска, в конце коридора, где ковровое покрытие глушило шаги, а двери различались только номерами. Табличку с фамилией сняли утром после пожара. На светлой краске остались два отверстия и прямоугольник пыли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.